

-ка рассветы ба_гря_ны, по_
 -ка по_кой не на_стал, в ре_
 -бя_чьих клинках деревян_ных пусть
 крепнет упру_гая сталь. У_
 -гро_зы вра_гов не слу_шай, не
 сбить нас залпом с ног. Бы_вает сильнее
 пушек стальной упру_гий кли_нок. Мы
 ста_нем шеренгой строгой все сразу за одно
 -го: не трогай, не трогай, не трогай то_
 -ва_ри_ща мо_е_го! Не_//_го!

не верьте,
 Что это и вправду есть.
 Убитым быть —
 это слишком:
 Мой друг умереть не мог.
 Вот так...
 И пускай братишка
 Ему напишет письмо...
 3
 Угрозы врагов не слушай —
 Не сбить нас залпами с ног.
 Бывает сильнее пушек
 Стальной
 упругий
 клинок.
 Мы встанем шеренгой строгой
 Все сразу —
 за одного:
 Не трогай,
 не трогай,
 не трогай
 не трогай
 Товарища моего!
 Пусть маленький барабанщик
 Тревогой порвёт тишину,
 Нельзя устать, товарищи —
 Отряд
 не закончил
 войну.
 Пока где-то нет покоя,
 Пока чьи-то дни нелегки,
 Мы будем
 держать
 под рукою
 Свои стальные клинки.
 Не верьте, когда
 вам скажут,
 Что мы свой спустили флаг.
 Сжимаются экипажи
 В тугой упрямый кулак.
 Вставать нам на мёртвый якорь
 Ещё
 не пришла
 пора.
 ...Тяжелые рукояти
 Качаются у бедра...
 ...И ты никого не слушай —
 Никто не собьёт нас с ног.
 Бывает сильнее пушек
 Характер —
 стальной, как клинок.
 Мы встанем упрямо и строго —
 Все сразу —
 за одного.
 Не трогай,
 не трогай,
 не трогай
 Товарища моего.

Первый вариант был написан в 1973 году для романа «Мальчик со шпагой». Затем дополнился. Третья часть написана в 1978 году специально для «Каравеллы», когда отряд возрождался после очередной «трудной поры» (Прим. В.П.Крапивина).

КАЮТА КОМАНДОРА

Мы предлагаем
 номер, полностью
 посвященный
 творчеству
 Владислава
 Петровича
 Крапивина. Есть
 здесь
 размышления о его
 последних книгах и
 отклики на
 «дуэль» между
 Крапивинным и
 Стругацким в
 «Голосе» №9. Есть
 статья
 «дебютанта»
 Михаила Носкова и
 материалы
 «постоянных
 авторов» —
 Евгения Савина и
 Бориса Механцева.
 Есть заметки,
 присланные в
 редакцию
 читателями
 «Голоса» и взятые
 из Интернета.
 Немало выводов и
 утверждений
 удивят (или
 возмутят) вас; но
 это означает, что
 вы не удержитесь,
 возьметесь за
 ручку, и,
 следовательно,
 наш заочный
 разговор станет
 еще интереснее...
 Номер выходит
 вскоре после дня
 рождения
 Владислава
 Петровича — и,
 возможно, спор
 между Е.Муштаем и
 С.Уткиным тоже не
 оставит вас
 равнодушными...
 Словом, читайте!

ОФИЦИАЛЬНАЯ СТРАНИЦА ПИСАТЕЛЯ ВЛАДИСЛАВА КРАПИВИНА — НА CD

Ввиду многочисленных поступающих просьб — пишу всем желающим на CD копию официальной страницы Владислава Крапивина (<http://www.krapivin.ru>).

Основные разделы, находящиеся на странице: полная библиография Владислава Крапивина; фотоальбом (более 50 фотографий разных лет); видеосалон (сценарии, видеофрагменты, кадры из некоторых фильмов по книгам Крапивина); подборка критических статей и рецензий; иллюстрации различных художников (более 1000 иллюстраций общим объемом около 60 мегабайт); книги Владислава Крапивина в файлах (часть произведений представлена фрагментами); полное собрание стихотворений В. Крапивина; песни на стихи В. Крапивина в аудиофайлах; интервью с писателем и многое другое.

По состоянию на 1 октября 2000 года на странице находится более 3000 файлов общим объемом свыше 150 мегабайт.

Технические требования к компьютеру и установленным программам:

минимально допустимые (невозможен просмотр аудио- и видео файлов, ограничены возможности просмотра графики): любой компьютер с CD-ROM, Windows 95, Microsoft Internet Explorer 4.0 и старше либо Netscape Navigator 3.0 и старше;

минимально рекомендуемые: процессор — Intel Pentium 120 МГц; оперативная память — 16 Мб; CD-ROM; до 20 Мб на жестком диске (для установки прилагаемых программ просмотра аудио и видео);

16-битная звуковая карта; видеосистема 640x480 (рекомендуется 800x600), 65000 цветов; Windows 95, Windows 98, Windows 2000 or Windows NT* 4.0 with Service Pack 3; Microsoft Internet Explorer 4.0 и старше либо Netscape Navigator 3.0 и старше.

Стоимость записи и условия оплаты:

для жителей России — \$3,5 (с учетом стоимости болванки и пересылки). Оплата производится в рублях почтовым переводом (в поле для письменного сообщения указать «CD-Крапивин»), компакт-диск записывается и высылается на указанный в переводе обратный адрес не позднее 2 недель после получения денег.

для жителей Украины, Белоруссии, Казахстана — \$4,5 (с учетом стоимости болванки и пересылки). Оплата производится почтовым переводом (в поле для письменного сообщения указать «CD-Крапивин»), компакт-диск записывается и высылается на указанный в переводе обратный адрес не позднее 2 недель после получения денег.

для жителей других стран СНГ и дальнего зарубежья — оплата и условия получения по предварительной договоренности. Пишите.

Иные способы оплаты/получения — по договоренности.

Адрес для связи:
Гришин Константин Константинович
141006, Московская обл., г. Мытищи, Олимпийский проспект, 21/3-33
E-mail: grishin@rusf.ru
Fido: 2:5020/194.71;
ICQ UIN: 3361540

ограничиваться только пятью номерами). Конечно, эти деньги покрывают только часть расходов по распространению «Голоса», но мы понимаем, что для некоторых наших читателей и эта сумма будет достаточно тяжела, а для кого-то — и просто непосильна.

Мы обещаем найти выход, чтобы «Голос» по-прежнему приходил ко всем нашим читателям. Вы нужны нам — и те, кто присылает нам свои статьи, рассказы и стихи, — и те, кто просто внимательно слушает «Голос» друзей.

Конкретные условия подписки и адреса, по которым надо будет высылать деньги, мы сообщим вам ближе к концу года.

ИСПАНСКАЯ ПЕСНЯ

Муз. А.Тушкова

Сл. В.Крапивина

В свободном ритме

Рва_ ну_лась с ради_о _мач_ты тре_
_во_га в мир голу_бой... Не пла_чьте, друз_ья, не
пла_чьте о тех, кто у_ходит в бой. Над
кра_ем дале_ким горным те_ни черной гро_
_зы... Не зря мой товарищ у_порно у_
_чил испанский я_зык. Проща_ясь, он шпагу как
на_до бра_тиш_ке сде_лать по_
_мог. Ис_панско_е слово „Эс_
_па_да“ по_нашему значит „клинок“. По_

КАЮТА КОМАНДОРА

1
Не трогай,
не трогай,
не трогай
Товарища моего.
Ему предстоит дорога
В тревожный край огневой —
Туда,
где южные звёзды
У снежных вершин горят,
Где ветер
в орлиные гнёзда
Уносит все песни подряд.
Там в бухте
развёрнут парус,
И парусник ждёт гонца.
Покая там не осталось,
Там нет тревогам конца.
Там путь по горам
не лёгок,
Там враг к прицелам приник —
Молчанье его пулемётов
Бьёт в уши,
как детский крик.
...Не надо,
не надо,
не надо,
Не надо его будить.
Ему ни к чему теперь память
Мелких забот и обид.
Пускай перед дальней дорогой,
Он дома поспит,
как все,
Пока самолёт не вздрогнул
На стартовой полосе.

2
Рванулась с радиомачты
Тревога
в мир голубой...
Не плачьте,
не плачьте,
не плачьте
О тех, кто ухолит в бой.
Над краем далёким горным
Тени чёрной грозы...
Не зря мой товарищ упорно
Учил испанский язык.
Прощаясь,
он шпагу,
как надо,
Братишке сделать помог.
Испанское слово «эспада»
По нашему значит «клинок».
Пока рассветы багряны,
Пока покой не настал
В ребячьих
клинках
деревянных
Пусть крепнет упругая сталь.
И если в чужом конверте
Придёт к вам
чёрная весть,
Не верьте,
не верьте,

В СЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ ПОДПИСКА НА «ГОЛОС» СТАНЕТ ПЛАТНОЙ

Редакция

До сих пор все наши читатели получали «Голос» бесплатно — он печатался и рассылался на деньги членов редакции, и на немногочисленные добровольные пожертвования наших читателей, которым мы искренне признательны. Однако в следующем, 2001-м году, мы уже не сможем обеспечивать всех наших читателей бесплатными экземплярами. Мы вынуждены сделать «Голос» платным.

Ориентировочная стоимость подписки — **30 рублей**. Это — **5 номеров** «Голоса», включая расходы по пересылке (разумеется, мы не собираемся

Этот номер готовили:

Мария Троицкая (отв. редактор): 141980, Московская обл., Дубна-5, а/я 12; e-mail: maia@herm-p.jimr.dubna.su.

Юлия Налбандян: 344090, Ростов-на-Дону, ул. Зорге, 28/1, кв. 166; e-mail: nalb@math.rsu.ru;

Олег Логачев (верстка): 630005, Новосибирск, ул. Гоголя 21а, кв. 2; e-mail: duric@online.nsk.su;

Борис Тараканов: 125299, Москва, пер. 2-й Новоподмосковный, 3а, кв. 5; e-mail: boris@cdr.u.com;

Антон Федоров: 117526, Москва, Ленинский пр., 144/5, кв. 61; e-mail: hcab@gagarinclub.ru;

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ!

Если Ваше письмо (или его часть) носят личный характер и не предназначены для публикации — обязательно оговорите это.

ДЕТИ КАПИТАНА ФЛИНТА

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ВЛАДИСЛАВ ПЕТРОВИЧ!

Булат Мамлиев

Пожалуй, никто не станет отрицать, что дети в произведениях Крапивина несколько идеализированы. Например, утверждается, что дети никогда не воюют с детьми — тезис, оспоренный С. Лукьяненко в известной повести «Рыцари 40 островов». Но есть еще один принцип, не сформулированный в явном виде: ребенок-койво *никогда* не использует свои сверхъестественные способности во зло. Да и сами койво на редкость высокоморальны, даже на фоне других «крапивинских мальчиков». В то же время можно привести множество примеров из литературы, где дети-чудотворцы представлены в весьма жутком виде — либо по своей природе («Омен», «Ребенок Розмари», рассказы П. Брэбери), либо под влиянием обстоятельств (С. Кинг — «Кэрри», «Несущая огонь» и др.).

Есть еще одно обстоятельство, подмеченное Б. Механцевым — спецслужбы не уделяют феноменальным способностям детишек должного внимания, не ведут их «плотную разработку». А между тем события, описанные, скажем, в повести «Выстрел с монитора», весьма заинтересовали бы как разведку (и контрразведку), так и военных. Мальчик взглядом остановил огромный снаряд — заслуживает внимания, не правда ли? Все миры Кристалла взаимосвязаны — так может, в более высокотехнологичном мире он с ядерной боеголовкой справится (если ему целеуказание дать и привести в соответствующее психологическое состояние)? Читали «Проект „Кошмар“» Хайнлайна?.. Дальше еще интереснее — что там с городом стало, а? Вот бы научиться воспроизводить подобный эффект! Находить во вражеских городах таких особенных мальчиков, устраивать им изгнание или еще что-нибудь подобное... Никаких нейтронных бомб не надо, население исчезло, а основные материальные ценности сохранены. «Ваших идеальных людей на вражеские базы сбрасывать надо. На страх агрессору!» (Стругацкие).

«У малиновой девочки взгляд откровенней, чем сталь клинка»

Р. Неумова

Теперь рассмотрим такой вариант. Койво сам или с чьей-то помощью совершил ошибку. Причинил вред другому человеку. Что с ним будет дальше? А если он впоследствии (подростком или взрослым) сочтет себя на этом основании потерянным для «Добра и Света» и решит идти дальше тем же путем? Или того хуже — ему понравится?

Детишки разные бывают, сами знаете. Но это еще полбеды. Представьте, что такой человек встретил обычных койво. Да у него будет куча мотивов постараться сделать их подобными себе! Кроме того, он, естественно, будет развивать свои способности (из стремления обрести силу и власть), а значит, может сыграть роль Наставника. На первых порах — тренер, а потом сэнсэй, гуру... И, конечно, не сможет удержаться от использования этих детишек в своих целях.

Дети любят играть, в том числе и в разбойников, пиратов и т.п. Для нечистоплотного Наставника не составит большого труда приманить подопечных «черной» романтикой — кто откажется сплавить на шхуне с «Веселым Рождером»? Помахать настоящей абордажной саблей вместо игрушечной шпаги? А после участия в нескольких «романтических» акциях будет уже поздно. «Кровь разделяет навсегда, но и сплывает тоже навсегда» — это один революционер сказал. Правда, есть риск, что в переходном возрасте подросток захочет вернуться на путь добра, но ведь не всякий уйдет от старых друзей, от своей команды, да и Наставник, конечно, примет свои меры. А потом подросшие «волчата» — черные маги и убежденные головорезы — сами станут вожаками, подбирая новые кадры.

Сей этап можно назвать завершением процесса самоорганизации системы и включение механизма самовоспроизводства. Дальнейшее очевидно.

Жаль, что не сумею написать повесть по такому сюжету...

• 663130 Красноярский край, г. Енисейск-4, в/ч 14058, общежитие

14 ОКТЯБРЯ... Бесспорно, один из самых симпатичных дней календаря... Владислав Петрович, вы наши читатели, поздравляем Вас с днем рождения!

У Ричарда Баха есть книга («Бегство от безопасности»), которую он пишет, как бы выполняя обещание, данное им 50 лет назад испуганному 9-летнему мальчику — Дикки, фактически — самому себе. Обещание вернуться и рассказать о том, чему сам научился в жизни («к чему стремиться, как уберечь свою жизнь...»).

Вам не надо было давать таких клятв — ведь и так всю жизнь Вы пишете эту Книгу, обращенную и к себе, и ко всем, кто сохранил в душе верность своему детству, своему открытому взгляду на мир... «Истина в том, что сознание вообще не имеет возраста... Всякий раз, когда мы чувствуем, что наш возраст не соответствует нашим числам, мы говорим «Какое

странное ощущение» и меняю тему разговора» (Р. Бах). А ведь действительно, паспортные данные не могут изменить людей, в чьих ушах звучит ветер дальних странствий, кто умеет встретить Сказку на самой обычной улице самого обычного города, кто по-прежнему предан идеалам Детства и встает на защиту справедливости, не дожидаясь, пока это сделают другие. Уверены, что Вас *«никогда не смутит то, что Вы чувствуете себя моложе своих лет, и не испугает, что Вы слишком стары»*.

«Так пусть же даст нам Бог, за все грехи грозя,

До самой смерти быть солидными не слишком.
Чтоб взрослым было нам завидовать нельзя,
Чтоб можно было нам завидовать мальчишкам!»
(А. Горюхицкий)

Спасибо Вам, Владислав Петрович!

Евгений Муштайн
ЗАБЫТЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Ох, как не хотел я ставить именно этот заголовок! Даже решил подождать со статьей. Однако против факта не попрешь: шестидесятилетний Владислава Крапивина нашими СМИ было проигнорировано на 100%. Что, в общем, неудивительно. Для нынешнего истеблишмента такого человека нет, потому что его быть не должно. Зато вон юбилей Марка Захарова (тоже шестидесятилетия) второй месяц никак праздновать не могут.

Крапивин — писатель культовый. Уточню: культовый — значит, имеющий не всенародное признание и почитание, но весьма многочисленный круг читателей, почитателей, поклонников и фанатов. Последние склонны отделять себя от остального человечества по принципу причастности и создавать свою субкультуру, отталкиваясь от созданного своим невольным гуру. Примеров — пруд пруди, от БГ-образных до толкинистов...

Не спешите морщиться. Я не Дима Быков и тем паче

Статья опубликована в журнале «Литербоок», 1998 г., №11.

не серьезный Арбитман. Более того, могу с полной ответственностью сказать: очень во многом этот писатель меня сделал. Изменил, так сказать, сознание. Раз и навсегда. И говорить о нем беспристрастно я уже вряд ли когда смогу. Так что заметки эти будут очень личными. Читайте их попыткой разобраться прежде всего в себе и в своем к Крапивину отношении. Таково мое право читателя.

Вообще, сделанное Крапивиним может оставить равнодушным совершенно определенную группу читателей (слава Богу, весьма многочисленную) — тех, кто в литературе ценит и любит превыше всего литературу. Ибо писателем настоящим, имеющим хотя бы уважение к «могучий русский языка», его стройности и красоте, его законам и принципам Крапивина назвать давно уже нельзя. Никак. Причины тому есть, и о них — ниже. А начинал он блестяще. Как тонкий и точный стилист, обладатель своей неповторимой манеры (желающие могут перечитать «Та сторона, где ветер», например). Ну, манера-то осталась, развивалась и развивалась. В пародию на самое себя. И назвать Владислава Петровича писателем язык у

меня не повернется. А И НЕ НАДО. Не тем он уникален, не тем «цепляет». Не литературой как таковой.

Что до стилистики, ее можно определить двумя словами. ГАЛИЧ-МЛАДШИЙ. Сопоставить, думаю, нетрудно.

* * *

Уникальность... Действительно, уникальность. Несмотря ни на что. Ни на однообразие (единообразие) текстов, сюжетных линий, речевых оборотов. Ни на проскальзывающее пресловутое «мощное сюсюканье». Ни на откровенную халтуру порой (особенно в текстах последних лет). Ни на оголтелый мстами пафос... Все равно — уникальность. Как тот акм из анекдота: всю жизнь поет на разные лады одну и ту же песню. Зато какую... Писателей, короче, много, Крапивин — один.

Прежде всего. Он берет не текстом — берет «нутром». Чутье и интуиция — поразительные. Вспомните себя в двенадцать-тринадцать лет. Я, кажется, чуть тогда не свихнулся: он думал так же (то есть **СОВСЕМ** так же!), как я, чувствовал так же, дышал так же, ни один из близких мне людей такого полного совпадения и понимания дать не мог. А ведь таких «чуть не свихнутых» подростков по России были тысячи. Это, знаете ли, на грани визионерства. Сделав эту интуицию единственной образующей силой своих текстов, Крапивин временами добивается того, что не под силу и иным гениям: говорит с читателем напрямую, минуя даже самую литературу, сам язык. Это ведь тоже преграда, и какая... Кстати, возраст читателя уже значения не имеет.

* * *

Вот и обратная сторона медали: талант писателя пожертвован таланту чутья. Еще несколько причин, скорее, внешних — избранный Крапивиним путь. Неплохо бы назвать его гуру, да только доверие к этому слову уже утрачено. А жаль. Так сложилось, что он встал на путь создания собственной «другой» реальности — с вытекающими отсюда последствиями. Реальность эта странна и неестественна. Держится только за счет таланта ее творца. Не станет таланта — не станет и «миров Крапивина».

Не зря все-таки столько нападков было на его творчество — порой злобных, порой подлых, «на добивание», но порой и совсем не бессмысленных. Куда как велик соблазн донести свое до читателя, не утруждая себя соотношением с реальностью реальной — не той, что вокруг нас, но той, что в наших душах. Вот и получается вместо мира — мираж, вместо войны — войнушка, зло — гипсовое, а добро — ... (рemarka: когда читал «Крик петуха», сцену уланской погони и гибели бедняги Кригера, в голове вертелось: «На конспиративной квартире нас ждет засада. Мы надемся с вашей помощью поразить врага. Я дам вам парабеллум!»). Как все просто. Взрослея, многие начинают отличать настоящие от ненастоящего и чувствуют себя обманутыми. Или, если хотите, преданными. Обвинять их в чем-то бессмысленно и глупо. Это

лишь одна из разновидностей цены за свободу творчества. Настоящей цены, которая, как известно, есть грех неизбывный...

Да, равнодушным к крапивинским книгам остаться трудно. Как угодно — от резкого неприятия и едкого сарказма до фанатичного обожания, — но только не равнодушным. Нормальное, беспристрастное литературоведение на крапивинские темы я не встречал. И не встречу, наверное. Обязательно эмоции, обязательно идеология. Та или иная. Это тоже часть цены и признак уникальности дара. Прозаик Крапивин работает с тем, с чем не могут совладать поколения поэтов: с чувствами, а не разумом.

«Так шо ж ви хотите?» — сказала тетя Соня. (Рemarka № 2: есть теория, что Крапивин — просто один из многих стихотворцев-неудачников, подавшихся в прозу. Среди таких есть и подлинные гении: Ницше, например. Или мой любимый Довлатов. Умеющие чувствовать, как никто, но не умеющие сказать достойно чувству. Результат, как правило, непредсказуем).

* * *

Помимо всего, Крапивин опасен. По-разному и для разных. Но по-настоящему. Ой как не хочется вдаваться в пафос, да только уже не пафос окружает меня, а жизнь. Великий дар — относиться с пониманием и жалостью к людям, которые друг другу — *tabula rasa* (Довлатов). Но не дай Бог просто показать им, что можно по-другому. Светло. Чисто. Без шкурничества и скуки. Даже просто показать — растерзают при первой возможности. Не говоря уже о том, чтобы расставить акценты. За это вообще — десять лет расстрела через повешение и без права переписки. Человек с внутренним чувством, даже не добра — справедливости! — потенциальный смутьян. Потенциально опасен. Так что спасибо еще, что просто замалчивают, расторгают издательские договоры; не подкладывают гранату в подвезд — и то хорошо. Не из совести, а просто боятся.

Но не так все ясно. Крапивин опасен не только для *этих*. Опасен и для всех. Трижды прав был в своих тревогах умница Дима Быков. Книги Крапивина учат не только любить. Ненавидеть они тоже весьма продуктивно учат. Яростно и страстно, горячо и запальчиво. И обязательно — благородно. А потом многие годы уходят на то, чтобы понять, что благородная ненависть — химера. Что есть просто ненависть, чудовище обло, огромно, стозевно и т. д. Некоторым и жизни не хватает. А жизнь — сломана. И это тоже цена. Только сила и неповторимость дарования позволяют Крапивину годами балансировать на грани, рискуя сорваться... И удержаться, кстати, не всегда получается.

* * *

Да, а все-таки главное — вот оно. Ненавидеть умеют многие. А любить... Никто больше так просто **уметь любить** не умеет. Это вторая — и главная — составляющая крапивинского дара. Почти уверен:

ПОИСК УПОМИНАНИЙ О КРАПИВИНЕ

Анна Кладова

Эта заметка посвящена работе по пункту II.2.Д «возможных направлений деятельности клуба «Лоцман»»: поиск цитат из книг Крапивина, упоминаний героев его произведений, а так же «мелких» (то есть как бы «мимоходом») упоминаний о нем самом в публикациях на различные другие (не посвященные Крапивину) темы. Зачем нужен такой поиск? Ведь о творчестве Владислава Петровича написано множество статей, рецензий, даже научных работ. Однако, как мне кажется, очень интересно проследить, как и в связи с чем упоминается он сам или его книги в «посторонних» публикациях.

Сейчас собрано уже 16 таких фрагментов статей, заметок, сообщений. Все фрагменты можно условно разделить на две группы: первая — упоминания о Крапивине как о писателе и вообще личности, вторая — упоминания его героев, его образов, а так же использование цитат из его книг.

В первую группу входит большинство фрагментов (10), причем они существенно различаются по интонации — от официальной: «*К сожалению, Шефнер и Беркова по состоянию здоровья приехать в Екатеринбург не смогли, однако в фестивале приняли участие такие известные писатели, как Владислав Крапивин, Сергей Другаль (...)*» («Аэлита-2000»; «Если», 2000, №5) до ностальгической: «— *Игорь, пойми, в очереди на издание стоят десятки достойных фантастов, и все пишут для взрослых. А вот в детской фантастике у нас пробел — только Крапивин и ты*» (К.Бульчев «Как стать фантастом»; «Если», 1999, №11) и даже несколько возвышенной: «*Что нам, глазастым, город, скажем, Екатеринбург? (...)* А *Суворова послушать — столица детства, потому что там, видите ли, работает филиал ДОМа и проживает Владислав Крапивин, великий детский писатель*» («Жизнь на ощупь»; «Новая газета», 2000, №1) [этот фрагмент прислал Николай Рубан, большое ему спасибо]. Интересно, что целых два раза Крапивин

Список собранных упоминаний о В.П.Крапивине

«Мой друг – фантастика» [статья о Е. И. Стерлиговой] («Уральский следопыт», 1990, №4)

А. Белошистая «Не отпускай руки...» [о готовящемся многоматричном детском литературном] («Уральский следопыт», 1990, №11)

С. Переслегин «Фантастика восьмидесятых – причины кризиса» (С. Переслегин, сборник статей «Око тайфуна», Санкт-Петербург, 1994, с. 46)

С. Переслегин «Тихое десятилетие: перед «Тайфуном»» (С. Переслегин, сборник статей «Око тайфуна», Санкт-Петербург, 1994, с. 89)

Там же, с.101.

С. Переслегин «Скованные одной цепью» (С. Переслегин, сборник статей «Око тайфуна», Санкт-Петербург, 1994, с.119)

С. Переслегин «Доспехи для странствующих душ» (в

упоминается в связи с Евгенией Стерлиговой, вот один из примеров: «*А кто представляет себе, например, «Обитаемый остров» без рисунков Макарова или барабанщиков Крапивина — без рисунков Стерлиговой?*» (А.Белошистая «Не отпускай руки...»; «Уральский следопыт», 1990, №11)

К сожалению, вторая группа фрагментов (упоминания образов, героев Крапивина, цитат из его книг) не слишком многочисленна. Вряд ли это что-то говорит о литературном мастерстве Владислава Петровича, скорее — о малом распространении его книг среди взрослого читающего (и пишущего!) населения. Активно использует крапивинские образы очень известный в области фантастики критик Сергей Переслегин: «*Поражение кажется неизбежным, но нам придется вступить в бой за возрождение школы, за педагогику XXI века. „Помирись, кто спорится...“*» (С.Переслегин «Скованные одной цепью»; «Око тайфуна», Санкт-Петербург, 1994, с.119); еще пример: «*Смерть Инги заставляет вспомнить крапивинский образ молний. Случайность, глупая случайность*» (там же, с.89). Одно интересное сравнение встретилось в рецензии В.Каплана на книгу М. и С.Дяченко «Корни камня»: «*Порывистый и нежный, гордый и нервный, Ивар точно сошел со страниц крапивинских книг. И, подобно Крапивину, авторы относятся к своему юному герою предельно серьезно, отнюдь не преклоняясь перед мифической „детской чистотой“*».

Вот краткий обзор найденных упоминаний. Если читателям «Голоса» интересно, можно опубликовать все собранные фрагменты. И большая просьба к тем, кто встретит подобные упоминания «мимоходом»: пожалуйста, сообщайте о своих находках. Нужен более-менее осмысленный фрагмент текста с упоминанием и источником. Возможно, общими усилиями мы соберем столько материала, что сможем делать более глобальные выводы.

• 656031, Алтайский край, Барнаул, ул.Ядринцева, 130, кв.52 • Ic99kak@ic.dcn-asu.ru

кн.: С. Лукьяненко «Лорд с планеты Земля», Москва, 1997)

К. Бульчев «Как стать фантастом» («Если», 1999, №11)

В. Каплан Рецензия на книгу М. и С. Дяченко «Корни камня» («Если», 1999, №11)

А. Ройфе «В тупике» («Если», 1999, №8)

К. Бульчев «За пределами рецензии» («Если», 1999, №1-2)

О. Федорова «Сельская библиотека сегодня» (фэнзин «Семечки», 2000, №11)

«Жизнь на ощупь» («Новая газета», 2000, №1)

«Аэлита-2000» («Если», 2000, №5)

«Приз зрительских симпатий» [результаты голосования читателей «Если» по лучшим произведениям фантастов в 1999 г.] («Если», 2000, №5)

С. Соболев Рецензия на сборник статей «Редкая птица» («Ex Libris», 2000, №18)

С манекенами же бороться проще. Если враг материален, то он уязвим. И неважно чем — бликами ли, шариками ли детскими, но его можно победить... Только вот обидно мне почему-то становится, когда такие добрые и открытые Чита, Тик, Алька, Данка превращаются в обыкновенных воинов. Горько...

Горько оттого, что такой прекрасный мир пятерых разрушается безвозвратно. То, что собирается потом — это уже не то... И герои все в конце романа уже какие-то другие становятся: повзрослевшие, что ли, более серьезные. И заботы у них уже другие, и цели... Это уже не те дети. И Яр — не тот. Если вначале он хоть чуть-чуть был похож на сказочного героя, то под конец он превратился в совсем уж обычного человека. Уставшего, пожилого. Такому на пенсию бы, а не в космодесант...

Мария Троицкая: Согласно, что «Голубятня...» — не такая уж и добрая книга. Но это касается многих произведений Крапивина, особенно последних. Везде герои борются со злом, мужают в этой борьбе, и — как неизбежность — теряют частичку беззаботности, детства.

Плохо? Возможно. А иначе не получается. Иначе не выжить. Пусть уж лучше живут на свете эти славные мальчишки и девчонки, пусть они уже не совсем дети, потому что научились не прощать, научились драться, и если нужно — убивать.

Но они победили, и они остались с нами. Это оправдывает все.

С.К.: Не согласен. Но доказать ничего не смогу, потому что тут каждый должен решать сам для себя...

Мария Троицкая: Друзей хватает, есть и настоящее, те, с кем хорошо и в радости, и в горе, что не предадут в беде и просто будут рядом в обычной жизни. А вот такой ясности и открытости все равно не хватает.

С.К.: Вот тут ты очень права... Но так уж наше общество построено, что этого всегда будет не хватать. И будут всегда люди искать выход — кто в книгах, кто в сектах, а кто и вообще с автоматом в руках. Это-ж люди...

Я вот тут недавно еще фрагмент «Голубятни...» отхватил, вторую часть начал. Что интересно — вторая часть ведется от первого лица (то бишь «я»), а остальные — от третьего... Выходит, что этим приемом как бы «вес» Гельки в романе увеличивается — в герои метит во главе с Яром... И заставило это меня задуматься над несколько странной концовкой — а почему именно галактика? Почему не ветерок какой-нибудь, или, чтоб вообще живой Гелька остался? И вот к чему я пришел.

У Гельки друзей не было. Потому что сами «друзья»

для него по сути дела таковыми не являлись. Юрка был для него учителем, наставником — но не равным. Дистанция — дистанция недоверия (а вот он плюнет на меня и уйдет) — с появлением Яна только увеличилась. Потому что само отношение к дружбе у него такое: мой друг, никому не отдам, вцеплюсь зубами и буду держаться за него до смерти...

А в отношениях между ветерками основой служит дружба. Не такая, как понимает Гелька, а коллективная — они всегда летают стайками, и праздники каждый год отмечают все вместе... Гельке просто было бы слишком тяжело жить среди них. Не был бы он счастлив. Роль одинокой галактики, человека-галактики ему гораздо больше идет... Мне так кажется.

Ольга Пряжникова: Маша, а тебе не показалось в процессе чтения «Голубятня...», что Ярослав какой-то... ну, недостаточно умный и сообразительный, что ли? Мне кажется, я бы на его месте в целом ряде случаев действовала бы не так, и многие загадки Планеты можно было бы разгадать быстрее и, соответственно, быстрее спасти детей — если бы Яр проявил большую сообразительность и находчивость и обращал бы внимание на некоторые моменты, на которые он внимания не обратил. Да, ему никто ничего не мог или не хотел объяснить, многие уходили от разговора, но ведь не только из разговоров можно черпать информацию! Есть же масса косвенных источников! А у Крапивина не видно, чтобы Яр пользовался какими-то косвенными источниками информации и с их помощью логическим путем делал выводы. Ведь он же профессиональный исследователь, у него, по идее, должно быть высоко развито логическое мышление и всякие там исследовательские навыки. Если тебе интересно, я приведу в следующем письме конкретные примеры, а пока лишь одно мое общее впечатление. А общее впечатление можно объяснить на таком примере: вот, когда я читаю, скажем, детективы А. Марининой, то в главной героине Каменской вижу следователя-профессионала, а вот Яр отнюдь не производит впечатление исследователя-профессионала, скорее, наоборот — возникает впечатление, что его интеллект находится на уровне какого-то слесаря-алкоголика с четырьмя классами образования (ну, тут я, конечно, немного утрирую, но тем не менее). И вот мне интересно, такое впечатление только у меня, или у других, читавших повесть, тоже такое? Сама повесть изумительна. Я читала ее запоем, но... она была бы еще более замечательной, на мой взгляд, если бы один из ее главных героев — Ярослав, производил бы впечатление более умного и мудрого человека, высокопрофессионального исследователя... А так даже прямо хочется переписать повесть на свой лад, несколько изменив данного героя.

большинство из активно не приемлющих его книг подсознательно руководствуются только лишь собственной тоской, Тоской неумения. Видеть свет за окном — несовершенный, незатейливый, но свет — и не войти в него... Не твоё, не тебе. А раз так — у советских собственная гордость, Ужо мы вам покажем... И показывают, благо поводов более чем достаточно.

* * *

Сергей Умкин ИЗБАВИ, БОЖЕ...

Охохонюшки... Сколько уже разных статей, плохих и хороших, мне довелось прочитать по случаю юбилея Владислава Петровича Крапивина. Авторы статей, люди разного возраста, профессии, вероисповедания писали об одном — о своей благодарности писателю, чьи книги дают возможность вернуться в тот мир, из которого мы рано или поздно уходим: это мир нашего детства. Слова в этих статьях разные, но чувства одинаковые. И только статья Евгения Муштай, опубликованная в одиннадцатом номере журнала «Питерbook», резко выделяется на этом фоне. Ей-бо-гу, лучше бы автор все же подождал с публикацией статьи, а еще лучше — не печатал вовсе. Почему? Попробую объяснить.

Недоумение от статьи возникает с самого начала — с заголовка. Во-первых, непонятно, зачем к своей статье автор прилепил название известной сказки. Во-вторых, очень долго господин Муштай сетует: забыли, мол... А кто забыл? Московская тусовка? Правительство? Свои собратья по перу? Ну, к тусовке ни Крапивин, ни другие порядочные люди никакого отношения никогда не имели. И если Москва шумно празднует юбилей Марка Захарова, то что расстраиваться? Пусть их себе тешатся, о собственной смелости говорят, награды вручают. Что будут помнить люди через лет...дцать? Уверен, что не пышные юбилеи с богатыми дарами и лживыми дифирамбами. О Владиславе Крапивине наши дети будут судить по десяткам повестей и рассказов, во его стихам и песням, на эти стихи написанным... По огромному количеству фильмов (да-да, именно фильмов!), снятых отрядом «Каравелла» по сценариям самого Крапивина. Наконец, по самой «Каравелле» — легендарному пионерскому отряду, созданному в далекие шестидесятые годы Владиславом Крапивиным, и давшему путевку в жизнь несчетному количеству детских отрядов, возникших в самых отдаленных уголках тогдашнего Союза ССР. Многие отряды вскоре рассыпались, но гораздо больше отрядов и сама «Каравелла» выжили и действуют до сих пор. Сколько ребят отзанимались в «Каравелле» за эти тридцать с лишним лет, сразу и не сосчитать... И наплевать с высокой колокольни на забывчивость свердловчанина Ельцина, который наверняка был слышан об отряде — в трудные для «Каравеллы» времена клязвы местных «активистов» доходили и в обком партии... Ну, не

Вот и все. Неубиленная получилась статья. Сумбурная и нелогичная, наверно. Только повторю снова. Я очень многим в себе обязан этому человеку. И так же скажут тысячи разбросанных по своим норкам и дыркам людей с раз и навсегда измененным сознанием. Может ли любой итог любой жизни быть более достойным?

С днем рождения!

•

учителя.

Еще я никак в толк взять не могу — ну почему многие крапивинские фанаты так стараются напаять на Владислава Петровича маску гуру. Дело дальше заходит — крапивинская теория Великого Кристалла, описанная в ряде произведений, для некоторых стала просто священным Писанием! И сам Командор (звание В.П. Крапивина в «Каравелле») уже представляется таким пророком Моххамедом или Иоанном Предтечей, если угодно. Наступил на эти грабли и Евгений Муштай, заговоривший о создании уже целой реальности. Правда, надо отдать должное, обожестьвить оную реальность Евгений не пытается, даже всерьез принимать не хочет. Настолько не хочет, что свистящие пули у голов мальчишек и гибель бедняги петуха у него вызывает смех. Ну вот не может человек отличить нереальность событий от реальности эмоций. У Крапивина метко сказано: «Ведь не дашь же человеку свои глаза...» И нервы, эмоции свои дать невозможно, каждый чувствует только сам, и СОЧУВСТВУЕТ тоже сам. И если человек не может почувствовать страх героя за парализованного отца, ненависть к стреляющим уланам, горе по погибшему Петьке-Кригеру... Ну что тут еще скажешь? Писатель плохо написал? А ведь Евгений утверждает, что мысли и чувства Крапивина близки к его, Евгения, мыслям. К тому же большинство читающих «Кристалл» как раз чувствуют, сопереживают, даже плачут — своими глазами видел мальчишку-пятиклассника, оплакивавшего гибель петуха. Так стоило ли Евгению пенять Крапивину за обман? Кто кого предал? Разве Крапивин прилепил на себя ярлык гуру? Или это Крапивин увлек читателя только фантастической стороной своего творчества, заставив забыть о реальности? Нет, это сделал именно читатель, и говорить здесь можно только о САМООБМАНЕ. И стоит ли говорить о предательстве, в котором так легко упрекает писателя Евгений? Никто не виноват, что доверчивый читатель поверил в существование Зеркала, оказавшегося удачной выдумкой автора (в которую, между прочим, сам Муштай вроде как не верит!). Не стоит искать в художественной литературе подлинность событий — это всего лишь отражение нашей реальности, причем с весьма ограниченными возможностями. Жизнь настоящая всегда богаче, рельефнее и интереснее литературной копии. Удачно сплести выдумку с реальностью удается, пожалуй, только Виктору Конечному, создавшему свой жанр — такой художественной документалистики.

Между прочим, я никак не могу понять — отчего Крапивина так усердно именуют писателем-фантастом? И почитатели таланта Крапивина, и его ненавистники усердно величают писателя фантастом, не смущаясь ни массой книг, абсолютно лишенных какой-либо фантастической жилки, ни слов Крапивина, которые Владислав Петрович адресовал «серьезному Арбитману»:

«Взяв одну из моих библиографий (они есть в

библиотеках), г-н Арбитман мог бы убедиться, что мои «школьные» произведения всегда РАВНОМЕРНО (выделено мной — С.У.) чередуются с книжками фантастического жанра (а порой эти жанры там даже сплетаются)».

Так-то вот, господа... Не стоит запикивать Крапивина в какие-либо рамки — он давно уже из них вырос, создав новый жанр литературы, предназначенной как детям, так и взрослым.

Еще один постоянный вопрос, постоянно сопровождающий имя Крапивина: опасны ли его книги? Наверное, да. Но для кого опасны эти книги? Для детей? Не более, чем любая другая детская литература. Впрочем, сам Владислав Петрович возражает против определения «детский писатель», заявляя, что пишет не столько для детей, сколько про детей. Значит, опасность подстерегает взрослых читателей? Так это смотря каких взрослых. Крапивин, как возмутитель спокойствия, опасен для серых, будничных людей, не желающих видеть ничего дальше собственного огорода. Как учитель, он опасен некоторым педагогам (и не только!), желающим видеть в детях только послушных слуг, лишенных собственного мнения. Как писатель, Крапивин опасен всякого рода халтурщикам от литературы, наводнившим прилавки книжных магазинов бессмысленной, тупо-агрессивной жвачкой для мозгов. Беда только в том, что подобных Крапивину дон-кихотов, бросающихся на ветряные мельницы мещанства и равнодушия, единицы. Истинные победители драконов у нас, уввы, не в почете...

Вот такие вот мысли возникли у меня при прочтении статьи Евгения Муштая. Нерадостные, да что ж тут поделаешь — какова статья, таковы и мысли. Впрочем, чего грустить? Ведь юбилей Владислава Петровича Крапивина был торжественно отмечен, причем дважды — сперва сугубо официально в Музее истории молодежи, а спустя три дня в Екатеринбургском Дворце молодежи. Собралось огромное количество народу — «каравелловцы» разных лет, собратья по перу, друзья. И, слава Богу, что в этот вечер не прозвучали речи, подобные статье Муштая. Правда, данайцы на том вечере присутствовали — в лице представителей местной администрации, как положено, с дарами. А вечер был просто прекрасный! Не такой пышный, как в Москве, зато гораздо более искренний и дружеский. С чем я и поздравляю Владислава Петровича — далеко не каждый человек сможет собрать такое количество друзей. А ведь их с каждым днем становится все больше — вот еще один мальчишка открыл «Мальчишка со шагой», а рыжая девчонка увлечена приключениями Джонни и его друзей... Я рад за них и от всей души желаю, чтобы, повзрослев, им не пришлось убедиться в справедливости строк одного поэта:

«Избави, Боже, от врагов,

Но прежде от друзей...»

А точнее — от людей, называющих себя друзьями, но способными в любую минуту предать всех. Даже себя.

«ГОЛУБЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ»

МИР, ПОЧТИ РЕАЛЬНЫЙ...

НЕСКОЛЬКО НЕБЕССПОРНЫХ МЫСЛЕЙ ИЗ ПЕРЕПИСКИ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

С.К.: Что отличает «Голубятню» от других Крапивинских произведений? Главный действующий герой первой книги — скадермен Яр является как бы и самостоятельной личностью — с «земной» стороны, и в то же время — выдумкой, ожившей фантазией. Дети считают, что это именно они выдумали Яра, выдумали таким, как они хотели. Потому что они — все четверо — абсолютно полностью доверяют ему. И любят его. Потому что они и выдумали-то его, как идеального взрослого, идеального для них, и играли-то они долгими вечерами в звездолет, потому что верили в свою сказку искренне, по-детски... И однажды эта сказка ожила.

Сразу, с первых строк книги, через Яра, читатель попадает в самый центр дружной компании. Он сам как бы становится пятым, это именно к нему обращаются и ему доверяют трогательно-беспомощные, и в то же время непонятно сильные герои. Они — дети, но не обычные, а такие, каких очень редко можно встретить сейчас. Необычно чистые, не скованные цепями стеснительности, и не пытающиеся корчить из себя взрослых — тип детей, который принято называть «крапивинским»...

Книга затягивает в себя, как магнит. Строчки карабкаются далеко, в самые уголки души, и застревают там навсегда. И все бы хорошо, если бы не...

Вот из-за этого «не» я и считаю «Голубятню...» не очень доброй книгой. Хорошей — да. Интересной — тоже. А вот по поводу доброты... Слишком уж все перемерено до капли — сколько автор хорошего дает в начале, столько он и отбирает позже.

И мир «Голубятни...» получился из-за этого очень уж логичным, рациональным. Почти реальным...

А особенно реальным получилось в нем зло. Только вот выражается оно тут не только в виде ненависти людей друг к другу, или каких-либо еще людских пороков, а еще и в виде манекенов, преследующих героев буквально повсюду.

Как можно бороться с ненавистью? Можно разглагольствовать на эту тему очень долго, но так ничего и не придумать. Потому что люди могут бороться с любым внешним врагом, но с самими собой они бороться никогда всерьез не станут. «Возлюби ближнего...» — совет, который очень редко кто воплощает в жизнь.

хорошо). Крапивин же доказывает, что нельзя родительскую любовь (тепло) заменить интернатским воспитанием (кстати, эта тема часто проходит через произведения Владислава Петровича — ребенок любит своих родителей и тянется к ним, хотя часто и предпочитает большую часть времени находиться в другом месте).

Интересно, что достаточно большая часть деятельности самого Владислава Петровича была направлена на создание «Каравеллы», внутренняя жизнь которой, в том числе и деятельность взрослой части состава (учителя!) — как раз и направлена на процесс воспитания, остальное (как мне кажется) во многом — лишь методы. Если же проанализировать (хотя бы навскидку) произведения Владислава Петровича, часто видны моменты, когда моменты воспитания герои получают именно вне дома (клуб, дружеская компания во главе со взрослым лидером, двоюродный брат, живущий отдельно...).

Так что, видимо, никакого противоречия нет — в любом случае речь идет о возможности и умении любить и что-то передавать детям. Если это делают родители — прекрасно, если они этого не делают, не умеют или не любят — ребенок попадает в сферу влияния другого взрослого, причем есть как варианты положительного воспитания, так и наоборот.

Просмотрел сейчас написанное свежим взглядом [заметка делалась по материалам переписки — Ред.]. В общем-то, проблема проста. Ребенку, начиная с младенчества и заканчивая (минимум!) подростковым возрастом, чтобы нормально существовать, необходимо ощущать любовь к себе и заботу о себе (так сказать, «тепло»). Кроме того, для развития ребенка необходим «образец для подражания».

Получается, что, когда говорят о необходимости воспитания в семье, осознанно или неосознанно имеют в виду житейский опыт, согласно которому никто не будет любить ребенка, кроме (или лучше) его родителей. Эта любовь и даст ребенку то необходимое тепло, которое потом он сам передаст своим детям (это тоже отдельный разговор). Все это верно. Мало того, имеется масса примеров, когда дети тянутся к совершенно опустившимся родителям, потому что именно с ними у них связано ощущение тепла и любви и защищенности раннего возраста (который дети, как правило, проводят в постоянном контакте с матерью) — такая, как правило, неосознанная, привязанность.

В то же время, хочу заметить, имеется ряд примеров, когда дети точно так же тянутся к людям, принявшим участие в их воспитании, или просто по каким-то причинам заменившим родителей. Причем, чем в более раннем возрасте происходило замещение, тем крепче эта привязанность. Естественно, это явление во многом тем больше проявляется, чем больше тепла получил ребенок в период формирования своей эмоциональной сферы. Часть психологов включает в этот период беременность. Я не говорю

уже о таких примерах, когда в условиях интерната происходила реабилитация детей, имеющих психотравмы, нанесенные родителями (в этом смысле замечательный пример Бетельгейзе!).

Что касается примера для подражания, то тут еще проще. В раннем возрасте это, как правило, родители или лица, их замещающие. В более позднем — либо родители, либо, если ребенка этот пример не устраивает (в причины вдаваться не будем), кто-то на стороне (вне семьи) — со всеми положительными (или отрицательными) последствиями.

Что касается интернатов (я не буду трогать нашу современную отечественную систему — о ней и говорить не имеет смысла, эта система, в большинстве случаев, безусловно, калечит ребенка)... Исходя из того же житейского опыта, люди нередко замечают, что одного взрослого никогда не хватит на многих ребят. И это тоже правильно. Кстати, в описанной Стругацкими ситуации Учитель работал именно с небольшой группой, кроме того, проговаривается, что учителей всегда не хватает...

В любом случае, мне кажется, данный спор беспредметен и не имеет смысла. То, что думает Владислав Петрович, он сам сказал в своих книгах (или еще скажет). А что касается интернатов «по Стругацким», то в обозримом будущем они возникнуть не могут. Данная система обучения и воспитания (причем не обязательно всеобщая — я не помню у Стругацких указаний на то, что в интернатах обучались ВСЕ ребята, возможно, это касалось детей, у которых родители на данный момент отсутствуют — как, по крайней мере, у одного из обитателей 18-й комнаты Аньюдинской школы — у Лина), может с одинаковым успехом применяться и при проживании ребят дома.

В любом случае, повторяю, подобная система в обозримом будущем невозможна, т.к. в каком-то смысле она являлась одним из культурных институтов смоделированного Стругацкими общества. И в другом обществе воспроизведена быть не может. Это будет уже другая система, другая культура, и т.д. Поэтому не имеет смысла обсуждать Аньюдинский интернат (кстати, в тексте «Полдня» названный школой).

Вообще Борис Натанович прав, когда говорит, что не нужно себя обманывать — если не можем обеспечить гуманистический прогресс, нечего об этом и «разглагольствовать». Тем более схемы, обеспечившей бы воспитание следующего поколения (при этом на базе нашего, сегодняшнего общества, и именно поколения, а не отдельных, редких его представителей) более нравственным, гуманным и т.д., на сегодняшний момент не предложено (или просто я о ней ничего не знаю) — следовательно и нечего обсуждать.

Обсуждать стоит конкретные схемы.

- 664033, Иркутск-33, а/я 33
- ostin@mail.ru

ПОЧТИ ЛИЧНОЕ

Юлия Налбандян

Помните, наверное — объявление о подготовленном в «Люцмане» «трехтомнике стихотворений Владислава Крапивина»? В последнее время я довольно часто беру в руки эти три книжечки. Сероватая бумага, мягкая обложка, объем от 80 до 100 страниц... «Весьма полное собрание... стихов прозаика Владислава Крапивина, который понимает, что оные стихи могут иметь лишь биографический, историко-бытовой, семейный и прочий, но никак не литературный интерес»... Не хочу судить о литературных достоинствах стихов, но лично мне они помогают мгновенно перенестись в волшебную страну Детства, к воздушным змеям и заросшим узкоколейкам, к косому плетню, где терпеливо будут ждать черные лошади — «Добрые, смелые, быстрые, рослые. Черные — чтоб не увидели взрослые». В мир, где каждая встреча оборачивается неожиданной радостью:

*Тонкие, как паутинки,
Сплелись две разных тропинки.
И стало все по-другому,
И стали на свете друзья...*

В те дни, когда «Хорошо, что есть велосипед. Но главное, что есть на свете Вовка!»

Да, почти с каждой страницы напоминает о себе суровая действительность. Владислав Крапивин не устает напоминать, что Детство необходимо защищать — и, прежде всего, от предательства «умных взрослых», от равнодушия. Напоминает — и заставляет задумываться об ответственности:

*Как же уберечь мне вас
От беды, от горя?*

Как закрыть собою всех вас от огня?

ВЛАДИСЛАВ
КРАПИВИН

СТИХИ

1

*Я шепчу упрямо, я с судьбою спорю:
«Белая лошадь — горе на меня...»*

Искренняя боль звучит как в студенческих строках («Из затравленных в детстве волчат Вырастают жестокие волки»), так и в последних, не нуждающихся в комментариях:

*Забрызган красным весь телезкран,
И мальчик молча зажимает рану.
И кажется: откроешь в ванной кран —
И не вода, а кровь пойдет из крана.*

Может, именно эта боль — причина появления последних книг Крапивина, неоднозначных, спорных, не всегда завершенных и продуманных до конца, по мнению даже самых преданных поклонников?

Есть в этих книгах шум парусов — но не тот, что согревает душу любителями красивой романтики, а понимаемый лишь теми, кого «качало в штормах и бросало на камни и скалы», кто знает, как «коченеют застывшие пальцы, Намертво сжавшие мокрый конец гика-шкота». Есть ноющая боль от потери — и неистребимая вера в то, что «сказка станет сильнее слез». А еще в этих сборниках живут белые лошади, синие крабы, отчаянные маленькие кузнечики, бабушки пирата, таинственные Каррамбазавры... И всадники, спешащие к нам на помощь.

*Но в ответ на твою беду
Эти всадники не придут.*

В жизни места нет чудесам.

Хочешь чуда — будь всадником сам.

У каждого читателя наверняка в этих сборниках найдется СВОЕ стихотворение, затронувшее какие-то струны именно его души. Для меня таким стало поэтическое посвящение «Коту Максусу» (часть 3, с.79-81).

Рыжий кот уснул, уткнувши нос.

Это, бабки говорят, к морозу...

А его хозяин пишет прозу,

Хоть на прозу нынче кончен спрос.

Легкое ироническое повествование о неусидчивом коте, душевной тоске и венгерском вермуте вдруг обрывается горькими — и одновременно светлыми, как это часто бывает у Крапивина — строчками:

Думаете, сдажа так легко я?..

А, да это ты пришел, малыш!

Выспался? А мне в постель пора.

Досмотрю про лето про боссе...

Что? В кормежке было мало соли?

Что ты лжешь щеки мне, дурак...

Судя по анонсам, стихи Владислава Петровича войдут и в новое собрание сочинений, выпускаемое Центрополиграфом. Значит, многие, не ставшие обладателями этого трехтомника, смогут увидеть эти строки, пропустить их через свою сердце... И — кто знает — чуть-чуть изменить себя и окружающий мир...

«Ну, вот и все. Не надо больше слов.»

- 344090, Ростов-на-Дону, Зорге, 28/1, кв. 166
- nalb@math.rsu.ru

«ВЗРЫВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА»

Ольга Славникова

НЕИСПРАВИМЫЙ РОМАНТИК

Новую книгу Владислава Крапивина «Взрыв Генерального штаба», выпущенную издательством «Детская литература» (1998), не все смогут найти на книжных прилавках. Мало сегодня везут из Москвы в провинцию не самых коммерческих книг. А эту считать стоит. Потому что речь идет не только и не столько о «детской литературе» — о том, что лучше чувствуется в детстве, но сопутствует человеку всегда: о не стертых повседневною таинственных вещах.

В одной из статей для газеты «Книжный клуб» я уже сравнивала Владислава Крапивина со Стивеном Кингом и находила много ярких точек совпадения. Новая книга нашего знаменитого земляка подтверждает, что русский и американский писатели творчески близки. Стивен Кинг — вовсе не тот творец ужасных монстров, каким его упрощенно увидела российская критика. Герои у него, как и у Крапивина, — подростки либо взрослые, сохранившие в себе подростков. Каждый сюжет и Кинга, и Крапивина — это прыжок веры в необычайное. Свобода человека понимается как свобода его воображения. Буквально за углом может открыться пространство, обладающее неэвклидовыми свойствами. Оно вступает с человеком в странный контакт и порой таит род зеркала: образ вошедшего. Человек, попавший в четвертое измерение, внезапно заглядывает в себя и узнает о себе такое, что не могло ему открыться в повседневной житейской пестроте.

В новой книге Владислава Крапивина четвертое измерение — это Безлюдное Пространство. Два задушевных приятеля из повести «Самолет по имени Сережка» — инвалид Ромка и его друг Сережка, необычный пацан, умеющий превращаться в самолет, — находят странную, заброшенную, заросшую цветами и травой железную дорогу, неизвестно куда ведущую. Там в каменной будке сам собой качается огромный, очень старый маятник, а сквозь бетонную трубу среди солнечного дня видно звездное небо с летающей тарелкой.

В отличие от Кинга, работающего с темной стороной воображения, Владислав Крапивин пишет добрую сказку. Не ужасы, но замечательные подарки ожидают друзей в солнечном «книгде». Безлюдные Пространства у Крапивина не содержат Зла. Наоборот, они и стали «закрытыми», чтобы очиститься от человеческих и от собственных злых проявлений. Туда может попасть только тот, кто нуждается в помощи и утешении. Там он найдет что-то очень важное, необходимое для счастья. Наверное, никто еще не превзошел Владислава Крапивина в убедительности всего того магического, странного, старинного,

что я бы назвала «волшебными научными приборами». Их много в каждом произведении Крапивина, в новой книге к таким приборам приобщен и компьютер, расположенный в подвале башни маяка, обрабатывающий сигналы из дальнего Космоса.

Бессмысленно анализировать прозу Крапивина без учета его романтической мистики, утекающей между пальцев у того, кто попытался бы искать в текстах писателя привычные «символы» или «метафоры». Между тем эта мистика порождает своеобразную, никому, кроме Крапивина да еще Стивена Кинга, не присущую художественность. В повести «Самолет по имени Сережка» Крапивин «открывает» новые свойства перспективы. Даже очень большой предмет на расстоянии кажется маленьким — это известно всем. Но герои повести особенным усилием воли умеют сделать видимое — настоящим. Могут, например, взять в руки маленькую, как мячик, Луну. Или вырасти во время превращения (в самолет, например), но оказаться на расстоянии от пораженного зрителя. Эта игра пространством и перспективой отчасти освоена только поэзией (например, стихами Иосифа Бродского). У Крапивина эта игра отнюдь не самоцель: ее сам собой «примудряет» текст. Может быть, это и есть признак настоящего в современной литературе.

В то же время новая книга Крапивина, как и предыдущие его работы, сопротивляется чисто эстетскому подходу. Она очень «больная» и во всей придуманности своей — актуальная. Сам писатель определяет ее важнейшую тему как тему «Дети и „горячие точки“». Повесть «Взрыв Генерального штаба» (тоже вошедшая в сборник) переносит «горячую точку» в условную страну, где идет нескончаемая война Империи и Йосских сепаратистов. Война настолько ожесточенная, что даже дети становятся солдатами. Тринадцатилетний Лен и совсем еще маленький Зорко принадлежат к разным лагерям. Каждый идет с тайным заданием в «свой» Генеральный штаб: несет записанную в подсознании сложнейшую информацию. Но оказалось, что Генеральный штаб один, общий. Тот, кто zapравляет войной, считает ее закономерным и даже полезным явлением, чем-то вроде кровообращения в организме человечества. Маленькие курьеры с самого начала были обречены на расстрел...

В произведениях Владислава Крапивина нет «кинопланетного» Добра и Зла: все человеческое. Сам писатель всегда стремится быть старшим братом своему читателю: утешителем, защитником, проводником в необычайный, романтический мир — во взрослый

невный и т.п.

[14] Данная позиция является следствием писательской концепции самого С. Лукьяненко, которая неоднократно и весьма настойчиво выражалась в его собственных произведениях, в частности, в романе «Осенние визиты». Анализ этой концепции я надеюсь посвятить специальную статью.

[15] Цит. по Кривцун О.А. Эстетика. М., 1998, с. 157. (Любопытно, что в данной книге именно такая точка зрения на соотношение искусства и

действительности рассматривается как наиболее распространенная в эстетике).

[16] Ad hoc теория, или окказиональная теория — в методологии науки — теоретическое объяснение конкретного случая, без выхода на обобщение; представляет самый низкий ранг теоретического объяснения.

• 248016, Калуга, ул. Ленина, 27, кв. 46

Если не можем обеспечить гуманистический прогресс, нечего об этом и «разглагольствовать». Тем более схемы, обеспечившей бы воспитание следующего поколения более нравственным, гуманным и т.д., на сегодняшний момент не предложено.

НЕ НУЖНО СЕБЯ ОБМАНЫВАТЬ

подобная система в обозримом будущем невозможна

Денис Иванов

Прочитал «Голос» № 9. Очень радуется разнообразию и насыщенности тем. По крайней мере три из них меня очень заинтересовали.

Во-первых — про «Штандарт». Прекрасный материал, да и дополнительные сведения (адрес сайта) — то, что надо! Теперь, если как-нибудь судьба занесет в те края, будет репер — место, где нужно побывать.

Вообще, возникла идея — составить что-то типа «локального путеводителя специфического типа». Ведь у многих из нас достаточно сходные представления об интересных объектах — об этом, например, свидетельствуют статьи Бориса Тараканова и еще некоторые публикации в последних номерах «Голоса». Соответственно, можно подготовить списки достопримечательностей различных «населенных пунктов», можно написать о своем городе, селе и т.д., а можно и о том, что где-то видел. Важна тут именно «привязка» объектов — чтобы тот, кто читает, смог это место найти. Есть, впрочем, один момент. Кажется мне, что информация подобного рода, помещенная на всеобщее обозрение, может привести к не то чтобы массовому паломничеству скачущего народа, но определенно к какому-то «вытаптыванию». Поэтому, вероятно, имеет смысл составлять краткую «привязку» объектов, без литературных изысков — просто для опознания, которая хранилась бы в редакциях, и выдавалась бы по просьбе читателей/подписчиков «Голоса». А литературное описание можно было бы печатать в «Голосе». К тому же краткий рассказ, не предназначенный для публикации, многим проще составить — как бы меньше ответственность за литературное творчество. [Редакция присоединяется к этому предложению и предлагает все

материалы направлять по указанным ниже адресам Денису Иванову.]

Примечание Дениса: «Я летом и осенью часто отсутствую, так что часть почты будет обрабатываться в зимний период, и пересылать лучше по e-mail'у — надежнее. При отправлении по e-mail'у материалов дождитесь письма, подтверждающего получение. Если подтверждения нет в течение 3-х недель, пожалуйста, пошлите письмо снова. Не хотелось бы, чтобы чей-то труд пропал, не дойдя до адресата...»

Во-вторых — как всегда, очень интересная статья Бориса Тараканова. Такого типа информации мне, допустим, не доставало — я классическую музыку, к сожалению, совершенно не знаю — а послушать иногда тянет. И такого типа обзор (тем более с предложением записать) — просто замечательно. Молодец, Борис — хотя я думаю, это довольно трудоемко для него — получить кассеты, записать, отправить... [Б. Тараканов просил передать, что эти опасения не имеют под собой места, и он рад помочь «люцимантам» — Ред.]

Интересной получилась «полемика в ответах на интервью» по вопросам воспитания, хотя мне в каком-то смысле ближе позиция Стругацких — Борис Натанович четко и логично аргументирует свои взгляды.

В общем-то, видимо, и противоречия между позициями Крапивина и Стругацких нет. Стругацкие в первую очередь говорят о способности человека (в данном случае — учителя) любить детей, о его возможностях формировать их психику, прививать определенные культурные и поведенческие нормы — т.е. о том, что обычно подразумевают под термином «воспитание». Предполагается, что делает это Учитель профессионально (т.е. качественно,

Второе. Из писем, опубликованных «Голосом», я узнал, что многие из членов клуба проявляют интерес к психологии. Вернее даже не к психологии, а к ее практическим приложениям, разного рода техникам, ориентированным на самопознание и искусство управления другими людьми. Причем, как это можно заключить из многих писем, книги Крапивина также становятся в этот ряд. Для читателя они служат средством осмысления, понимания самого себя и своих взаимоотношений с окружающим миром.

Критические статьи вызывают некое интуитивное отторжение потому, что они воспринимаются лишь как абстрактное и бесплодное умствование, которое не вносит ничего нового в сам процесс моего, личного восприятия Крапивина. А раз так, то критика не способна помочь продвинуться в понимании, и, следовательно (это очень важно!) в самопознании. Ведь очень часто, прочитав какую-то книгу (не обязательно Крапивина), мы чувствуем что она, что называется, «цепляет» нас, входит в некий резонанс с нашим собственным опытом. Однако это не приводит к ответу на вопрос, почему и как это происходит.

В статье С. Лукьяненко был предложен ответ на этот вопрос. Может быть, слишком простой и незатейливый, но ответ. Поэтому данная статья и способствовала процессу самопознания. Бурные дискуссии, которые развернулись вокруг статей Керкуса и В. Каплана, также были не в последнюю очередь инициированы этим. В них речь шла не о каких-то абстрациях, не о «разборе на темы и детали», а о вещах, которые могли быть непосредственно соотнесены с личным опытом прочтения, проживания крапивинских произведений.

Подведем некий итог: если мы действительно хотим, чтобы «крапивинское» направление не превратилось лишь в изучение текстов писателя как таковых; чтобы результаты работы в данном направлении были интересны как можно более широкому кругу читателей В. Крапивина, то нельзя упускать из виду исследование произведений писателя в аспекте их восприятия читателем. В данной статье были представлены лишь некоторые возможные пути, варианты развития данной линии исследований; был намечен некоторый контекст, в котором подобное обсуждение может проводиться, не обращаясь ни в абстрактно-интеллектуальные построения, ни в веляющий публику критический «стеб».

март-июнь, 2000

[1] Можно выделить, например, такие функции, как общественно-преобразующую, познавательную, художественно-концептуальную, предвосхищающую, информационно-коммуникативную, воспитательную, внушающую, эстетическую, гедонистическую. Этот перечень заимствованный мной из взяттого почти наугад источника (Ю. Боров Эстетика М., 1975, с. 153-178) почти наверняка неполный, но, тем не менее, дает определенное представление о разнообразии функций словесного художественного творчества.

[2] Впрочем, критические заметки Льва Толстого о Шекспире вряд ли будут очень интересны шекспироведу, но зато гораздо более информативны они для исследователей творчества Толстого; то же самое справедливо, вероятно, и относительно анализа творчества Достоевского Набоковым.

[3] См. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1991, с. 271-275. Заметим, moreover, что суждения данного автора относительно воспитывающих возможностей литературы весьма противоречивы и он, в конце концов, не дает определенного решения данного вопроса. Так, в той же самой книге, на с. 284 он отмечает, что в определенных случаях восприятие произведений литературы способно дать воспитывающий эффект, называя это «моральным последствием» искусства.

[4] Любопытно, что Крапивин относит к Шиму почти те же самые слова, что позже будут относиться к нему самому — упреки в несоответствии с действительностью.

[5] Юнг К.Г. Феномен духа в искусстве и науке. М.: Ренессанс, 1992. С. 128-130.

[6] Там же, с. 131.

[7] Классическим примером является роман Б. Стокера «Дракула», производивший большое впечатление на таких искусственных в литературе людей как В. Иванов, А. Блок и даже оказавший на творчество последнего определенное влияние.

[8] Сравните с описанием, которое дано Е. Муштаем: «Он берет не текстом — берет «внутром». Чутье и интуиция — поразительные. Вспомните себя в двенадцать-тринадцать лет. Я, кажется, чуть тогда не свихнулся: он думал так же (то есть СОВСЕМ так же!), как я, чувствовал так же, дышал так же. Ни один из близких мне людей такого полного совпадения и понимания дать не мог. А ведь таких «чуть не свихнутых» подростков по России были тысячи. Это, знаете ли, на грани визионерства. Сделав эту интуицию единственной образующей силой своих текстов, Крапивин временами добивается того, что не под силу и иным гениям: говорит с читателем напрямую, минуя даже саму литературу, сам язык. Это ведь тоже презрада, и какая...» (Муштай Е. Забытый день рождения). Любопытно, не правда ли? Е. Муштай даже слово употребил то же самое — «визионерство».

[9] Там же, с. 139.

[10] Тема «визионерства» Толкиена — особый разговор, тем более, что материалы на эту тему есть. Однако конкретное их содержание, и, в частности, характер употребления самого термина мне неизвестен.

[11] Я имею в виду работы О. Виноградовой, В. Каплана, В. Талалаева.

[12] Боров В. // Детская литература. 1970, №9, с. 66.

[13] Слово «темный» которое употребляет К. Юнг, а вслед за ним и я, не носит оценочного характера (темный/плохой — светлый/хороший). Его следует понимать как неосознаваемый, скрытый,

мир, каким он представляется подростку в мечтах о времени, «когда он станет большим».

Я думаю, новая книга писателя, появившись она на прилавках в достаточном количестве и при достаточном рекламном обеспечении, существенно прибавила бы ему читателей. Но, к сожалению, у нас не

Америка. Да что говорить! Хорошо, что книга Крапивина «Взрыв Генерального штаба» выдвинута на губернаторскую премию в области литературы и искусства за 1998 год.

Опубликовано в газете «Уральский рабочий» (Екатеринбург), 15 января 1999 г.

И КАЖДЫЙ ИЗ НАС БЫЛ ПРАВ...

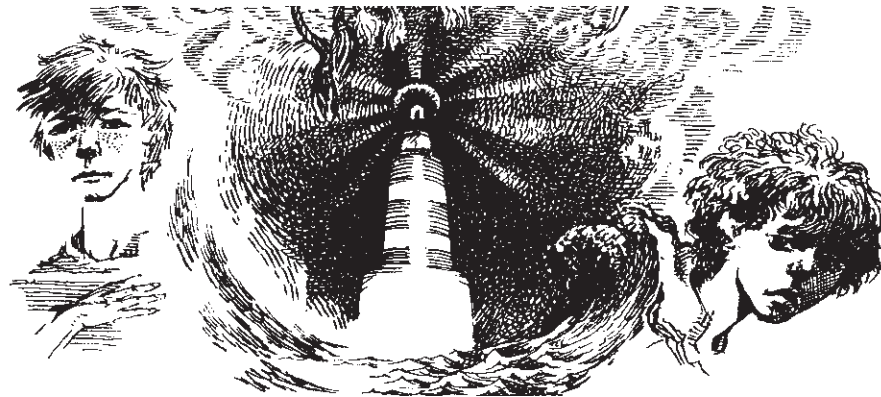
Александр Зорин

Попался мне в руки очередной «центрполиграфский» том со «Взрывом генерального штаба». Впечатление, как всегда, двойственное, словно отличную повесть пересказали скороговоркой. Похоже, Владислав Петрович не мог бы не писать ее, но при этом спешил скорее сбросить с себя это бремя, опасаясь излишне глубоко погрузиться в им же созданную коллизию. Потому как дай такому сюжету развиваться по его собственной внутренней логике, так тотчас получишь сюрпризик, как художник Воинов от компьютера. Вот Владислав Петрович потому взял и быстренько свернул все эти игры, пойдя даже на риск откровенного неправдоподобия (впаду в грех Б. Механцева — «Голос-7»): какими же идиотами должны были быть покойные генштабисты, чтобы после таких приготовлений бездарно провалить все дело, бесцельно нарушив всю конспирацию и сведя вместе обоих «агентов!» Хотя сама идея Генштаба, воюющего самого с собой, вполне достойна нашего безумного времени. Не случайно Крапивин использовал ее и в жутковатой сказочке в «Бабушкином внучке...». Там, на фоне типично крапивинской маскарадной сказки про разноцветные королевства, она выглядит страшнее, чем в «Генштабе»...

«Генштаб...» хорош другим — тем, что там лишь намечено, хотя и не развито — но сразу будит такие близкие воспоминания. Состояние гражданской

войны. Шорох знамен и блеск портретов кадетского корпуса — прямоком из булгаковской «Белой гвардии». И Лен с камнем в руке — привет от Гайдара? «Собака, нашел себе товарища! Бегу на Дон не к твоему собакему Сиверсу, а к генералу Краснову!». И дубиной по голове, и пуля в ответ... Все это у Владислава Петровича явно стояло перед глазами, когда он скручивал сюжет, давил его мрачную логику. Повстречались Николка Турбин и Борька Гориков, а Генштаб у каждого оказался свой. И знамена свои, причем пошитые из обрывков одного общего знамени. Как из такого дела выкрутиться? У незабвенного Лукьяненко все предельно просто: попереживали слегка для приличия и пошли рубать друг дружку, тем более, что всю кашу заварили гадкие марсианцы. А Крапивин до сих пор не может примириться с тем, что подобное реально, что его ребята могут оказаться в таком положении, с таким милым выбором. И без всяких глупых генералов, исключительно с одними умными. И, вдобавок, с искренней верой в то, «что каждый из нас был прав». «Романтизм». От такого и Владислав Петрович отступился, нашел условно-сказочный выход из совсем не условного и не сказочного положения. Жаль. Хотя по человечески понятно — не дай бог решать такие проблемы даже на бумаге...

• 305026, Курск, пр. Ленинского комсомола, 75, кв. 140

ЖЕСТОКИЙ ОПТИМИЗМ

Борис Механцев

Сложное все же впечатление оставляет роман Крапивина «Трава для астероидов». Начало, выложенное в Интернете на ruf.ru/vk, мягко говоря, не особо соответствует духу всей вещи.

Причины просты — завязка сюжета, последовательное знакомство с героями, их судьбой может, конечно, показать содержание романа, но не в этом случае. Я понимаю правила игры, навязываемые «бумажными» издательствами, хотя... хотя фрагмент, выложенный «для ознакомления», публицистичен в большей степени, чем содержатель, и способен отбить желание прочесть полный текст романа. У меня, впрочем, не отбил. Не жалею об этом. Такие дела.

Итак, в этой загробной жизни нет ни рая, ни ада — почти что ничего, кроме того, что живущий может выдумать себе. Или чудом принести туда. «Только пыль, пыль, пыль», как писал Киплинг. Даже живую планету — и ту не найти привычными способами. Есть какой-то противник, не творящий особых гадостей, а по большому счету — не дающий сделать окружающий мир слишком красивым. Не дающий заскучать особо. Развлекающийся на свой лад. И есть персонажи, прошедшие через очень уж многое. Непропорционально

много для их возраста и психики. Так, по большому счету отдыхая, можно жить долго и скучно. Сказано — Серая печаль. Пока не наступит критический момент — хотя бы своего рода эмоциональная «перенаселенность». Когда надоест играть на виртуальном аккордеоне, есть виртуальные вареники, развлекаться борьбой с имитацией серьезно зла... И когда появляется зацепка — слабенький, но шанс уйти к новой жизни. Или старой. Ведь все началось с мечты завести еще один атрибут этой самой старой жизни — щенка. «Прощай. Позднее не приходят

оттуда. Прощай. Самолеты туда не летят». А если все же попробовать вернуться? Ведь обстоятельства, в которых персонажи попали туда, ненормальны по общечеловеческим понятиям. И естественны, почти стандартны — учитывая нынешние реалии жизни. И бояться уже нечего. «Самое страшное уже позади». А попробовать... На возвращение в переломный момент персонажи и не надеются, даже не думают — они сами не разрешают себе этого — хотя бы вслух. Возвращение становится возможным лишь тогда, когда корабль сожжен — «воплощение вселенского зла» довольно жестким путем выпихнуло их на Дорогу обратно. Не зря это поступок — скорее, наоборот, существа, мягко присматривавшего и решившего, что уже все. Хватит. Надоело. Если нет возможности вернуть ребенка домой, подведя его к калитке и попрощавшись, а есть возможность сопроводить его на дорогу к дому подзатыльником — выбирать не приходится. Добрый поступок не обязан выгладить таковым со всех сторон, а тем, кто считает иначе — рекомендую подумать над этим с разных позиций... И в довершение — сделать небольшой подарок на дорогу — по заготовке для кораблика. На крайний случай. Дальше героям придется справляться самим — пора уже. Дальше — Дорога. И полагаться на ней можно в основном на себя и друзей. Как, в общем, и везде. А Дорога — хитрая такая. Довела героев не до цели — а всего лишь до испытания дружбы. Одного, но очень важного — поскольку единственного и главного. И решение, принятое героями — уже героями — очень простое. Борются до конца, а в крайнем случае — что уж делать — пройти путь по-новому. И принятое решение уже значит, что все, в общем, конечно. Пора расставаться. Но уж такая штука жизнь — расставаться, похоже, до новой встречи. Очень уж

стороне» и «Голосе» подобный эффект воздействия отмечали многие.

К чему же приводит этот эффект? Не оказывает ли на психику человека разрушительного влияния? Я склоняюсь к отрицательному ответу на последний вопрос. Воздействие книг Крапивина позитивно хотя бы потому, что смутные переживания, будучи запечатленными, воплощенными, оформленными в какой-либо символической системе, уже тем самым перестают быть просто беспокойством.

Много писали об «ушибленности», о поисках Настоящего Друга и прочих подобных переживаниях. Не буду все это воспроизводить. Вероятно, это верно в какой-то степени. Но вот мысль о том, что все это было якобы «вложено» в голову книгами Крапивина — неверна. Скорее, книги способствовали осознанию данных переживаний, их символизации и концептуализации. До прочтения все это существовало лишь в форме смутного беспокойства, непонятного ощущения *неполноты* собственного существования; а *после* стало хотя бы ясным, чего именно недостает.

Рассмотрение вопроса о «тайне воздействия» книг В.Крапивина, равно как и других авторов, будет неполным, если не коснуться проблемы соотношения произведения и действительности. Эта проблема является довольно значимой для читателей Крапивина и имеет не только теоретический интерес, но и практический. В самом деле, можем ли мы надеяться встретить в жизни людей, подобных крапивинским героям; отношения, похожие на те, о которых написано в книгах. Или все это лишь красивая сказка, не более того. Не углубляясь специально в анализ данной темы, отмечу, что решение данного вопроса не столь однозначно, как кажется на первый взгляд.

Как мне представляется, многие из читателей Крапивина все же неявно придерживаются позиции: книги — это одно, а жизнь совсем другое.

Написанное никак не изменяет действительность. И принимать выдуманное за реальность, «творить реальность из книг» весьма опасно. На страницах «Той стороны» данная позиция была активно поддержана и «освящена» авторитетом С.Лукияненко, чья статья «Ушибленные одиночеством» («Та сторона» № 8) оказалась весьма близка многим.

Однако, не стоит забывать, что эта статья выражает *точку зрения* С.Лукияненко, которая не носит аксиоматического статуса [14]. вполне допустима и логична иная точка зрения, в соответствии с которой художественный образ может оказаться более реальным, чем сама действительность. Читатели строят свою жизнь по образцу поведения литературных (шире — художественных) героев, интерпретируют свои и чужие переживания, используя схемы, заимствованные из книг и кинофильмов. И в этом смысле мы действительно творим реальность из книг. Л.Толстой как-то заметил по поводу И.С.Тургенева, что таких женщин, которых он описал в своих произведениях не было «но когда он написал их, они появились. Это верно, я сам наблюдал тургеневских женщин» [15]. Если на свете появились «тургеневские женщины», то почему бы не быть «крапивинским мальчишкам»?

Кстати говоря, данное положение можно применить и к восприятию текстов Лукьяненко. Теперь чуть ли не каждый третий, решивший написать в «Голос», признается в своей «ушибленности». Вот вам пример претворения написанного в реальность: до статьи Лукьяненко никаких «ушибленных одиночеством» не было, а после — хоть отбавляй. Фантом, призрак, тень, отражение — подчинил себе мысли, чувства, желания. Мы осмысляем самих себя, строим свое поведение даже не по образцу литературного героя, а руководствуясь лишь схематическим наброском, эскизом.

* * *

Люди любят порассуждать о кризисах. Наверное, это проявление какого-то свойства нашего ума: нам легче осмыслить процессы как последовательность сменяющих друг друга критических фаз. Кроме того, состояние кризиса заключает в себе надежду, а стабильность — тревожные опасения. По всей видимости, активизация деятельности «Лоцмана» в прошлом году, в лице Ю.Налбандян, О.Логачева, А.Кладовой и других людей, которые принимают участие в издании «Голоса», была своего рода реакцией на некое критическое состояние клуба. А поскольку едва ли не единственным реальным проявлением клубной деятельности был альманах «Та сторона», то это и кризис в развитии данного издания. И когда «Голос» стал публиковать письма, то сразу выяснилась весьма неприятная (по крайней мере, для меня лично) вещь. Или даже две вещи. Во-первых, альманах, оказывается, не интересен большинству его потенциальных читателей, а во-вторых, особенно неинтересны те материалы, которые посвящены собственно творчеству В.Крапивина. Люди не хотят критики, она

им неинтересна.

Можно было бы как-то рационально объяснить равнодушие к «отрядной» тематике. В конце концов, не так уж много людей, кто реально в этом направлении работает, да и им многие материалы вряд ли покажутся интересными. Но ведь клуб-то изначально комплектовался по единственному признаку: интерес к писателю В.Крапивину и его творчеству. И тем не менее... Это же просто парадокс какой-то!

Достаточно долгое время я ломал голову над этим парадоксом, строя самые невероятные догадки относительно его причин. И, в конце концов, мне удалось найти более или менее приемлемое решение. Помог учет двух, внешне непохожих, обстоятельств.

Первое. Необычайный резонанс, который вызвало в умах и сердцах «лоцманитов» эссе С.Лукияненко «Ушибленные одиночеством». Сходу написанный, без особых претензий, текст, излагающий придуманную, что называется, с ходу, «ад нос» теорию [16], тем не менее явился (по крайней мере, для некоторых) чуть ли не откровением!

при всем их уважении к творчеству писателя) есть какая-то установка, не позволяющая взглянуть на него по-настоящему «всерьез». Возьмем для примера весьма важный в творчестве Крапивина и — в то же время — типичный для мифологии мотив смерти, а, вернее, «послежизни». Тема эта почему-то представлена в критике в фельетонном ключе, например, в известной статье «Скизыны». Мы находим здесь массу интересных наблюдений, которые помещены в контекст весьма иронического повествования и, таким образом, ценность их весьма снижается. Тем самым данная «статья» превращается в пародию на критическое исследование (возможно, что такова и была цель автора). Мол, вот до чего можно додуматься путем монтажа цитат, вольных интерпретаций и аналогий. Обсуждать тему «послежизни» у Крапивина «всерьез» оказывается как-то не очень удобно. А ведь это при том, что данный мотив весьма серьезно развивается в произведениях, вышедших после цикла о Кристалле (в особенности в связи с тематикой Безлюдных Пространств).

Вторая важная черта, указывающая на визионерский характер крапивинских произведений — большое их сходство со сновидениями. То, что сновидения занимают значительное место в творчестве писателя — факт, не нуждающийся в доказательствах. Тем более, что и сам он неоднократно указывал на это в своих интервью. Но надо провести четкое различие между тем местом, которое занимают сны в произведениях «психологического» (в случае Крапивина — воспитательного) плана и тех, что отнесены нами к визионерским. В первых — сновидения героя выступают в качестве весьма рядового повествовательного элемента, функция которого состоит в том, чтобы выявить какие-либо значимые аспекты сознания героя (его отношения к тем или иным людям, событиям; какие-либо переживания, страхи, надежды). В самих же этих произведениях нет ничего,

напоминающего сон.

Полную противоположность этому являют тексты второй группы. При их чтении словно бы создается ощущение, атмосфера сна, с причудливой логикой движения событий, каждое из которых кажется исполненным некоего смысла, хотя и противоречит обыденной, «дневной» логике. Сон и явь настолько переплетены, что становятся неразличимы. Создается впечатление, что мы перемещаемся в каком-то многослойном, «многоэтажном» сновидении. Конечно, не для всех без исключения произведений это свойственно полностью. Но в большей или меньшей степени состояние сна коснулось каждого из них.

«Это просто сон. Я расскажу его точно, как видел» — знаменитый «зачин» «Далеких горнистов», маленькой повести, которая легла первым камнем в массивное здание «визионерского» корпуса крапивинских текстов. Критика без особого восторга восприняла этот «опыт», отметив, что авторская фантазия не всегда имеет четкую художественную логику [12]. Поэтому далее «сновидческая» логика так или иначе мотивировалась автором (в «Ночи...» это уже не «просто сон», а Переход). Но, несмотря на эту мотивацию, она сохранилась. Ведь в сущности своей, сновидение также имеет «глубинную» и «поверхностную» структуры в том смысле, что какие-то переживания оформляются в более или менее связный сюжет, который может быть рассказан как последовательность событий (сначала, после этого, потом, затем, вследствие этого и т.п.). Но на деле (подобно мифу) эта последовательность отражает одно и то же переживание. Поэтому, собственно говоря, крапивинский текст и «цепляет» нас. Возможно, подобно сновидению или мифу, он позволяет символически выразить, оформить некие переживания, которые до того одолевают нас в виде малопонятной тревоги, страха, томления или чего-то подобного.

III

Мы переходим к самой, пожалуй, острой теме из тех, что обсуждаются в связи с творчеством Крапивина. Не являются ли его книги в некотором смысле опасными в плане их воздействия на читателей? Отвечая на вопрос, стоит сразу развести в этом отношении две обозначенных нами группы произведений.

Что касается произведений первой группы — то здесь все относительно ясно. Ведь решение «воспитывающей» задачи и состоит в определенном рода воздействии на читателя. Вероятно, если он, читатель, действительно воспримет героя как некую модель для подражания, то никаких негативных результатов это не принесет. Что плохого может быть, в конце концов, в том, чтобы человек научился отстаивать свои права в противостоянии противнику, «превосходящем его по силе и авторитету». Да, собственно, Крапивин по этой части своих произведений получил относительно мало упреков. Разве что в излишней прямолинейности, да и то лишь от откровенных недоброжелателей.

Что же касается второй группы произведений — тут вопрос более сложен. В силу своего характера эти произведения не рассчитаны на то, чтобы вызвать прямой воспитывающий эффект. Они менее однозначны и оставляют широкий простор для различных интерпретаций. Безусловно, в них воплощены некоторые этические принципы, но, как правило, не они определяют эффект воздействия.

Как следует из приведенных выше рассуждений К. Юнга, визионерские произведения обращены к неосознаваемым, «темным» сторонам человеческой психики [13]. Они вызывают в нас (по крайней мере, при первом чтении) некоторые ощущения, смутные и неопределенные чувствования. Нередко возникает чувство дискомфорта, неясной тоски, но, в то же время, необычайного соответствия своему внутреннему состоянию. Слово бы в тексте чудесным образом отразились все твои собственные чувства, надежды, страхи, желания. Я не имею в виду лишь только собственный опыт; в письмах, опубликованных в «Той

просто ей, этой встрече, состояться — причем, если оглянуться на историю — это было слишком просто всегда...

• 347900, Таганрог, ул. Розы Люксембург, 46/1, кв. 63

Сергей Уткин КОГДА КОНЧИТСЯ ЛЕТО...

Рецензия на повести Владислава Крапивина
«Лето кончится не скоро» и «Полосатый жираф Алик»

Маленькое предисловие

Сразу признаю — после первого прочтения и «Лето...» и «Алик...» особого восторга у меня не вызвали. Как-то не вписывались эти повести в уже сложившийся образ Крапивина-фантаста. С Крапивиным-реалистом точек соприкосновения тоже было не так уж много. Тем не менее есть в этих книгах что-то такое, что зацепило меня за душу и заставило снова открыть книгу. А поскольку первое впечатление часто оказывается ошибочным, то я вновь погружился в странный и тревожный мир...

(В названиях глав использованы строки из песни Владимира Высоцкого «Райские яблоки».)

1. «Я когда-то умру»

Я не большой знаток мировой литературы, но пока что мне не приходилось читать книгу, действие которой начиналось бы со смерти главного героя. Теперь таких книг две. Честно скажу — и «Лето...» и «Полосатый жираф...» были для меня совершенно неожиданными книгами. В первую очередь потому, что в них открылся совершенно незнакомый мне Крапивин — жесткий и в то же время очень ранний человек, болезненно воспринимающий охватившее мир злобное безумие, люто ненавидящий и одновременно жалеющий людей, этому безумию поддавшихся. И хотя схожий настрой встречается и в других повестях

Владислава Петровича («Сказки о рыбаках и рыбаках», «Помоги мне в пути»), но со столь мощным неприятием мирового идиотизма в книгах Крапивина читателю доселе сталкиваться не приходилось. Впервые герои вынуждены бороться с мировым Злом в одиночку, и уже никто не придет им на помощь — нет рядом ни доброго милиционера, ни решительного скадермена, ни служителя храма Девяти щитов... Более того — впервые крапивинские мальчишки и девчонки поставлены перед столь жестким выбором, когда ценой победы в борьбе за Добро и Справедливость становится Смерть.

2. «Мы когда-нибудь все умираем»

Здесь придется сделать лирическое отступление. Дело в том, что до сей поры Смерть в книгах Владислава Петровича встречается часто, но на передний план эта госпожа почти не выходит, делая свое дело как бы «за кадром». Главные герои, а вместе с ними и читатель, узнают о смерти того или иного персонажа позднее. Толик в пионерском лагере узнает о смерти Курганова, Юлий Генрихович Тон уезжает на охотничью базу чтобы там покончить счеты с жизнью... Но бывает иначе — на глазах читателей гибнет Яшка Воробьев, незадолго до этого спасший двух панчат. Прямо перед нами двое подонков убивают

Толика Нечаева. Гремил выстрел — веселый, живой Дуг падает замертво, сраженный пулей слуг Ящера. И вместе с Землей мы содрогаемся от страшного конца единственного полета в жизни Гельки Травушкина, не сумевшего стать ветерком.

Но такие потрясения все же были скорее исключением, чем правилом. Гораздо чаще Смерть проходила мимо, хотя и очень близко. Брошенный камень пролетает между отцом и Журкой, Славка благополучно доносит неразорвавшийся снаряд до военной базы, пуля, предназначавшая Витьке Мохову, пролетает мимо, унося при этом жизнь петуха Кригера... Смерть отступила, но только на время.

3. «Убиенных щадят, отведают и жалуют раем»

Но вот оно наступило, это время. И не важно в каком обличье Смерть пришла на этот раз — вывернувшейся из-за угла машиной, пулей сумасшедшего террориста, снарядом армейского миномета под ноги — результат будет один: на квадратной каменной площадке снова появятся новичок...

Думаю, что любой человек хоть раз в жизни задумывался кто ждет его после смерти. Разные учения и религии по разному трактуют и саму смерть и ее влияние на сущность человека. Никто из ныне живущих на Земле не сможет сказать — неизбежна ли смерть... И даже самые ярые атеисты, отрицающие любые формы жизни после смерти, в глубине души лелеют надежду — а вдруг?... Вдруг там все же что-то есть?... А если есть, то какое оно?... И главное — кто туда попадет?..

Вовка Семыгин, главный герой книги «Полосатый жираф Алик» уже знает ответы на все эти вопросы. И оказывается, что нет по ту сторону жизни ни Рая с ангелами, ни Ада с его чертями и сквородками. А есть пояс астероидов, маленьких каменных планеток, вращающихся вокруг тусклого солнца. От привычной раи здесь только чудесная возможность воплощать самые смелые фантазии — усилием мысли здесь можно построить дворец старика Хоттабыча или приготовить вкуснейшие вареники. От ада этот мирок унаследовал несколько больше — Рыкко Абалдо, например, который сам себя величает не иначе как «носитель мирового Зла». Но куда более адской мукой становится Серая Печаль, а точнее — тоска по родному, настоящему миру, по маме. Но обратный дороги нет.

4. «Гляжу — пред очами не райское что-то...»

Еще раз повторюсь — впервые герои книг Крапивина в одиночку решают проблемы — свои и Мироздания. Гурский и Кимыч, воскресившие Шурку Полушкина, лишь наблюдают со стороны за действиями ребят. Вовке и ребятам указывают Дорогу, ведущую в свой мир, но пройти ее они могут только сами. И даже на Дороге их подкарауливает Смерть — в облике сердитой врачихи... Только сами ребята могут прогнать ее, не отдав Кириллку. И только ребята,

сами того не ведая, спасают Шурку и всю Землю от безжалостного прикосновения иглы Весов.

Но Зло еще не побеждено и вскоре берет реванш — умирает Шурка, погибает в далеком Израиле Сырая Веранда. И если в случае с Шуркой остается только в бессильной ярости сжать кулаки, то для Веранды еще не все потеряно — ведь она уже возвращалась с астероидов. Но одной ей из за что не выбраться, поэтому Вовка и Кириллка решают отправиться вслед за Верандой, благо это нетрудно...

Так что же получается — даже после смерти мы будем жить?... Не знаю. Над этим вопросом ломали головы самые светлые умы человечества со времен царя Гороха. Результат уже известен — ответа на этот вопрос нет. И было бы по меньшей мере наивно искать ответ в книгах Владислава Петровича. Но вот что интересно — всем своим существом Крапивин отрицает фатальность Смерти, ее разрушающее действие на личность, душу человека. Иначе бы не вернулся к Ромке Смородкину самолет по имени Сережка, сбитый неизвестно чьей ракетой. Уходит на другую грань Кристалла Женька, бывший когда-то Сопливином. Гибель лощмана Сашки оборачивается кошмарным сном. И никто не умер... Никто... А как же Яшка Воробьев, Толик Нечаев, остальные?... Я вновь вынужден сказать — не знаю. Ибо знать просто не могу. Я могу только верить... И я верю, что где-то, может на другой грани Кристалла, придуманного Крапивины, а может, в мифической Нангиалле, описанной Астрид Линдгрен в «Братях Львиное сердце», мы снова встретимся с Толиком и Яшкой, как уже встретились с Гелькой и шестью барабанщиками в новой, только что родившейся Галактике. Даже если это будет на страницах новой книги Владислава Крапивина.

Маленькое послесловие

Как это обычно бывает, новые повести Крапивина вызвали самые разнообразные отзывы — от полного восхищения до речей о полной неудаче писателя. Все это вполне естественно, поскольку каждый читатель смотрит на книгу с высоты своего жизненного опыта, своих убеждений и верований. Всем не угодишь. Да, не все в этих повестях получилось, не всегда выдержан стиль, но дело-то не в этом. Крапивин затронул целую кипу серьезнейших проблем — от очередного всплеска озверелости в людях до... Впрочем, не будем говорить о каком-либо сверхъестественном чутье Владислава Петровича в вопросах строения Мироздания. А то опять пойдут разговоры некоторых боготворящих писателя личностей о богоподобности Крапивина. Этих разговоров и без того хватает. В конце концов, не ради богословских теорий писались эти книги. А ради того, чтобы не гибли мальчишки и девчонки из-за глупых игр взрослых дядя и тетя, забывших о своем детстве. И если вы, прочитав книгу, вместо того, чтобы бросить камень в сторону американского посольства, отберете камень у рядом стоящего мальчишки — значит, вы поняли о чем писал Владислав Крапивин. •

нуждаются в прояснении, в интерпретации. «Психологический» тип произведения — не нуждается в дополнительном объяснении, ибо материалом его служит такой опыт, который в принципе имеет каждый человек. В «психологическом» произведении «все понятно»; непонимание возникает лишь в силу возрастных, исторических или культурных различий между опытом читателя и писателя.

«Воспитывающие» произведения Крапивина относятся как раз к психологическому типу. В них писатель намеренно убирает барьеры, которые могли бы препятствовать сопряжению опыта читателя и ситуации героя. Действия, поступки героев, их мысли и чувства по поводу этих поступков не вызывают непонимания (что не исключает, конечно, их неприятия). В этих книгах нет ничего скрытого, тайного. Нет того, что требовало бы иного истолкования, кроме буквального. Они не разрушают наше представление о привычном ходе вещей, о привычном для нас мире. (Кстати, никто из людей, которые обсуждают реалии крапивинских произведений в координатах «бывает — не бывает», не вовлекал в это обсуждение произведения этого типа).

Отличительной чертой произведений, относимых к «визионерскому» типу выступает как раз то, что в них есть *нечто*, ускользающее от нашего понимания. По прочтении их словно бы остается какой-то «осадок», своего рода неудовлетворенность. Они заключают в себе некий *соблазн* неопределенности; писатель как будто что-то скрывает от читателя. Отсюда стремление выявить некий сокрытый в тексте потенциал. Хотя бы даже история, рассказанная нам, понятна, но все равно: полного ощущения понимания не происходит. «В отношении материала психологического творчества не возникает вопрос, из чего он состоит или что он должен означать. Но здесь, перед лицом визионерского неразложимого переживания, этот вопрос встает самым непосредственным образом. Читатель требует комментариев и истолкований; он удивлен, озадачен, растерян, недоверчив или, еще того хуже, испытывает отвращение. Ничто из области дневной жизни человека не находит здесь отзвука, но взамен этого оживают сновидения, ночные страхи и жуткие предчувствия темных уголков души» [6]. Нельзя, разумеется, говорить о том, что для любого произведения визионерского типа соблюдаются все перечисленные эффекты восприятия, но в целом феноменология описана здесь верно.

Еще один важный момент стоит подчеркнуть. Произведение визионерского типа далеко не всегда соответствует критериям «высокой литературы». И это, если следовать Юнгу, даже закономерно, поскольку визионерские переживания (в противоположность переживаниям «переднего плана») вообще противятся их оформлению согласно некоторым законам искусства. Это позволяет прояснить «тайну воздвигаемых» тех произведений, которые являются в общем-то малохудожественными; эффект, который ставил в тупик литературоведов — почему

произведения, сделанные весьма «халтурно» и представляющие собой не более чем развлекательное чтение, тем не менее, что называется, «цепляют» [7][8]. (Сказанное не означает, что я, вслед за Е. Муштаем, отказываю Крапивину в «литературности»).

Существует несколько моментов, которые указывают на «визионерский» (по Юнгу) характер произведений В. Крапивина. Это в первую очередь значительная доля в них мифологической составляющей. Юнг в своем анализе отмечает, что обращение писателя к мифологическим мотивам вполне естественно, ибо миф как раз является одной из наиболее пригодных форм выражения, воплощения, символизации этих самых «темных» первопереживаний. Мифология — это не просто материал, с которым работает писатель. «Представлять себе дело так, будто он (писатель — Е.С.) просто работает с этим доставшимся ему по наследству материалом, значило бы все исказить; на деле он творит исходя из первопереживания, темное естество которого нуждается в мифологических образах, жадно тянется к ним как к чему-то родственному, дабы выразить себя через них» [9]. Эти соображения указывают также путь объяснения тайны воздействия другого писателя — Д.Р.Р. Толкиена [10]. Отмечено, что успех его произведений хотя бы отчасти связан с грамотным использованием элементов мифологии. Однако и в данном случае мифология была, по всей видимости, лишь средством выражения некоторого визионерского первопереживания. Это отчасти позволяет прояснить причину неудачи многих «фантастических» авторов, которые наивно полагают, будто бы литературно обработав какой-либо иной мифологический материал (славянский, например) они автоматически воспроизведут успех Толкиена.

Мифологические мотивы в произведениях Крапивина не стали пока предметом серьезного изучения, хотя, несомненно, определенные сдвиги в этом направлении есть [11]. Причин тому несколько, и в первую очередь это связано с тем, что писатель не использует какую-либо из существующих мифологий в качестве материала. Столь же мало предстает у него и традиционная атрибутика жанра «фэнтези» (который, пожалуй, наиболее органичен для использования в нем мифологических «фигур»). Мифологические мотивы, символика как бы замаскирована слоем условно-правдоподобных объяснений и мотивировок. Присущие мифу нарушения причинно-следственных связей, особое внимание к различным «предельным» категориям человеческого бытия (жизнь, смерть, рождение, любовь, дружба и пр.) мотивированы у Крапивина некоторыми «квазинаучными» построениями типа «теории кристаллического строения Вселенной». Поэтому требуется специальная аналитическая работа, чтобы выявить и зафиксировать мифологические мотивы и символику.

Можно предположить, что существует и чисто психологический барьер, не позволяющий обсуждать и изучать мифологические мотивы у Крапивина. Все же, как мне кажется, у большинства критиков (даже

«В глубине Великого Кристалла» — «Сказки Безлюдных Пространств». Что-то неуловимое, непонятное отличает эти тексты от дидактичных и, в общем-то, легко интерпретируемых «воспитательных». И, как это нетрудно заметить, как раз произведения второго круга оказываются втянутыми в орбиту так называемого «культы» В.Крапивина. Возьмем для примера нашу самую статью Кертиса (и ее обсуждение). В кого там собирались превратить реальных детей «идеологи системы против»? В копию Игнатиков, Братиков, Гелек Травушкиных. Эти имена звучали в качестве «знаковых» как в статье, так и в обсуждении. Не в копии Сережей Каховских, Кириллов Векшинных, или Журок, а в копии тех героев, что представлены во «второй» цепочке произведений Крапивина.

Эта самая вторая цепочка, таким образом, радикально отличается от первой прежде всего в плане *воздействия*, которое производится на читателя. Подобные произведения можно назвать «культуобразующими», в том смысле, что они порождают систему символов, ценностей, норм; становятся своего рода источником схем интерпретации окружающего нас мира. «Сценарии» поведения героев этих произведений усваиваются и переносятся в жизнь. Видимо, для того, чтобы понять «феномен» Крапивина, стоит более внимательно проанализировать различия между двумя направлениями его творчества.

Как мне кажется, весьма эвристичным для достижения этой цели является осознание различий между т.н. *психологическим* и *визионерским* способами порождения художественных произведений (и их восприятия и понимания), которое было предложено психологом К.Юнгом. Я позволю себе достаточно пространственные цитаты из его работ, сопроводив их своими комментариями.

«Ради ясности я хотел бы обозначить первый тип творчества как *психологический*, а второй — как *визионерский*. Психологический тип имеет в качестве своего материала такое содержание, которое движется в пределах досягаемости человеческого сознания, как то: жизненный опыт, определенное потрясение, страстное переживание, вообще человеческую судьбу. Этот материал воспринимается душой поэта, поднимается из сферы повседневности к вершинам его переживания и так оформляется, что вещи, сами по себе привычные, воспринимаемые лишь глухо и неохотно... убеждающей силой художественной экспрессии оказываются перемещенными в самый освещенный пункт читательского сознания и побуждают читателя к большей ясности и более последовательной человечности. Исходный материал такого творчества происходит из сферы вечно повторяющихся скорбей и радостей людских; он сводится к содержанию человеческого сознания, которое истолковывается и выветляется в своем поэтическом оформлении. Поэт уже выполнил за психолога всю работу... Ничто не осталось неясным, все убедительно объясняет себя из себя самого.

На этой линии находятся многочисленные типы литературной продукции: любовный, бытовой, семейный, уголовный и социальный романы, дидактическое стихотворение, большая часть лирических стихотворений, трагедия и комедия. Какова бы ни была художественная форма этих произведений, содержание психологического художественного творчества происходит неизменно из областей человеческого опыта, из психического переднего плана, наполненного наиболее сильными переживаниями. Я называю этот род художественного творчества «психологическим» именно по той причине, что он вращается всегда в границах психологически понятного».

Совершенно иначе обстоит дело в произведениях, которые Юнг относит к визионерскому типу: «материал, т.е. переживание, подвергающееся художественной обработке, не имеет в себе ничего, что было бы привычным; он наделяет чуждой нам сущностью, потаенным естеством, и происходит он как бы из бездны дочеловеческих веков или из миров сверхчеловеческого естества, то ли светлых, то ли темных, — некое первопереживание, перед лицом которого человеческой природе грозит полнейшее бессилие и беспомощность. Значимость и весомость состоят здесь в неимоверном характере этого переживания, которое враждебно и холодно или важно и торжественно встает из вневременных глубин; с одной стороны, оно весьма двусмысленно, демонически-гротескно свойство, оно ничего не оставляет от человеческих ценностей и стройных форм... с другой же стороны, перед нами откровение, высоты и глубины которого человек даже не может представить себе, или красота, выразить которую бессильны любые слова. Потрясающее зрелище мощного явления повсюду выходит за пределы человеческого восприятия и, разумеется, предъясняет художественному творчеству иные требования, нежели переживание переднего плана. Последнее никогда не раздирает космической завесы; оно никогда не ломает границы человечески возможного и как раз по этой причине вопреки всем потрясениям легко поддается оформлению по законам искусства. Напротив, переживание второго рода снизу довержно раздирает завесу, расплывающуюся образами космоса, и дает заглянуть в непостижимые глубины становящегося и еще не ставшего. Куда, собственно, в состоянии помраченного духа? в изначальные первоосновы человеческой души? в будущность нерожденных поколений? На эти вопросы мы не можем ответить ни утверждением, ни отрицанием» [5].

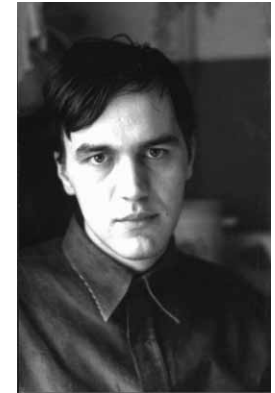
Эти туманные рассуждения, на первый взгляд, не имеют никакого отношения к творчеству Крапивина. Однако, как мне кажется, обращение к некоторым особенностям его произведений позволяют в то же время прояснить «темные» мысли Юнга.

Собственно говоря, различия между двумя типами произведений проводится здесь по чисто эмпирическому признаку — по особенности их воздействия на читателя, по степени того, насколько они

«ЛУЖАЙКИ, ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ»

Антон Икрянников СКАЗКА СО СЧАСТЛИВЫМ КОНЦОМ, ИЛИ ЛЕТО КОНЧИЛОСЬ, ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Раздумья о «Лете» и «Лужайках»

Это не совсем статья — просто два кусочка из личных писем, вдобавок написанных в разное время; я их только чуть-чуть подправил и немного дописал. Поэтому не удивляйтесь несколько «нестайному» виду, незаконченности и «непривычности» некоторых мыслей. Я просто хочу поделиться своими раздумьями, а главное — чувствами

*Эта подлая жизнь не раз и не два
Окунала меня в кровищу лицом.
Потому я давно не верю в слова,
А особенно — в сказки
со счастливым концом.
М.Семёнова*

1

Отчётливо вспомнилось чувство, оставшееся после «Лето кончится не скоро!» Чувство безнадежности, безысходности. Служило много её сейчас. И в поздних произведениях ВПК она едва ли не главенствует, присутствуя в особом концентрированном виде. В «Лете...» — особенно много, чуть меньше — в «Сказках о рыбаках» и почему-то в «Белом шарике...». И в других книгах — хотя и меньше. Нет надежды. Нет ничего светлого впереди. Раньше было не так. Раньше книги кончались хорошо. На острове Двид свергли «равновесие порядка», флаг-капитаны возрождали «Эспаду», Алёшка встречал Лётчика, а Славка и Тим оставались вместе, и даже вместе с Женской. И даже в насквозь открытых финалах — в «Журавлёнке...», даже в «Голубятне...» — была надежда, нет, даже вера — вера в светлое, в доброе, в лучшее. Пусть в мире есть и страх, и боль, и зло — но впереди свет. Не будет — и не надо! — простой и лёгкой жизни, но трудности не страшат, а порой даже радуют. «Будут ещё не такие

волны. Штормовые и тяжёлые. Те, от которых трещит обшивка кораблей. Ладно. Пусть будут».

А потом свет куда-то пропал. Да и был ли он? Думаю, всё же был, вот только раньше не с чем его было сравнивать. Не знали мы настоящего зла. Правители острова Двид, приходящие в ужас от книги про трёх мушкетёров — скорее смешны, чем страшны. Канцлер так же уязвим для клинка, как любой человек. Манекены похода вышибаются с Планеты горсткой храбрецов. «Машинная власть» в Вест-Федерации разваливается двумя детьми. И даже в «Синем городе...» или «Бронзовом мальчике», где «реальной современной жизни» более чем хватает, ещё остаётся надежда, пусть глупая, пусть из класса «плохое может случиться, но не со мной, а если и случится — меня обязательно спасут». Теперь и этого нет. Теперь зло сильнее. И хотя оно по-прежнему побеждено, теперь эта победа даёт дорогу. Шурка Полушкин умирает от укола в сердце, Серёжка-самолёт падает сбитый, Женя Волынов уходит на Дорогу — в этом

мире ему уже не жить. Остаётся «жёлтая тоска», и почему-то не видно впереди никакой надежды. Почему так?

Может, потому, что сами люди уже ничего не ждут? «От нас ничего не зависит». «Всё решено за нас». «Никуда не деться». И напоследок — вечный вопрос, ставший уже издевательством: «А кому сейчас легко?» Люди списывают свои беды на злую судьбу, на мафию, на правительство («людей, которые велят»?) — и притворяются, будто это даёт им право на бездействие. Действительно, зачем поступать по совести, если это ничего не изменит? И всё больше таких людей.

И путь вперёд даётся уже без прежней радости — сквозь боль и усталость, и даже нет впереди места, где ты, наконец, отдохнёшь. Но идти надо. Даже пойрой не зная, зачем, но чувствуя: необходимо!

*Покрепче губу закуси,
Рюкзак свой без стога неси,
И так же упрямо шагай на восток.*

Не знаю, есть ли что в конце пути. И есть ли конец. Но не идти — нельзя.

*Наш путь не прост, наш путь не прост —
Снова гроза.*

*А иглы звёзд, а иглы звёзд —
Прямо в глаза.*

*Пусть виден дороги обрыв,
Но всё же, покуда ты жив,*

*Останься душою отважен и чист!
Пусть будет надежда с тобой,*

*Пока не сыграет отбой
Тот мальчик, тот маленький вечный
горнист.*

Пусть будет надежда. Даже если ей неоткуда взяться.

2

Теперь о «Лужайках».

Если ты — как сам когда-то писал — заметил в них в первую очередь боль, то мне увиделось другое. Преодоление. Помнишь, я рассказывал о чувстве безнадежности, вычитанном в «Лето кончится не скоро»? «Лужайки» сюжетно идут вслед за «Летом»; возможно, это повлияло на моё восприятие. Я увидел те же места, рассказы о прежних событиях, даже кого-то из тех героев. И — не увидел! — прежней безнадежности. Люди преодолели её, выстояли — и продолжают жить. Возможно, тут есть заслуга Артёма. Он как-то сдвинул время, застывшее в вечном лете. Не знаю почему, но мне кажется — это было необходимо. Конечно, если лето длится так долго — меньше забот и хлопот, но — стоя на месте, никуда не придёшь. Написал это — и вдруг как по сердцу ножом (или иглой?!): а как же Шурка Полушкин из «Лета»? Ведь для него осень — это гибель. Или нет? Может, кто-то всё же успел, сумел удержать Весы? Не знаю. И рад, что об этом ничего не сказано. Узнав в «Лужайках» продолжение «Лета», всё время ожидал упоминания о Шурке. Но автор умолчал о его судьбе — и, наверное, правильно сделал. Потому что, кажется мне, любое упоминание о нём «открытым текстом» — уже было бы неправдой. Не знаю, почему — просто кажется. Оставим это в числе нерешённых загадок. Артём — очень интересный образ. Новое осмысление роли Командора. Или — хорошо забытое старое? Если исключить два эпизода (в начале, на Бейсболке, и в конце, на дороге возле мины) — это «Командор в быту». Встречает детей после школы, оберегает от мелких хулиганов, бегает за лекарством в аптеку. А вот нечто действительно новое: Безлюдные Пространства заполняются людьми. Уже не только дети — уже и взрослые свободно ходят туда-сюда, больше того — живут там. Родается новый мир. Пока ещё — чистый и добрый, злу туда просто нет дороги. Как-то оно будет дальше? Ещё впечатление — Максим. Не потому, что образ очень новый, просто я впервые задумался о таком вот его аспекте. Обычный мальчишка — обычный, живой человек, со своими бедами и радостями, победами и неудачами — каким-то образом «вписывается» в структуру Пространств. И — становится их частью. Есть в Пространствах пустырь под названием Бугры,

литературоведы, например, критик и, впоследствии, известный психолог Л.С. Выготский, весьма настороженно относились к приписыванию литературе воспитывающей функции. По мнению Выготского, это может привести к выхолащиванию собственно литературы из произведения, превращения его в подобие назидательной новеллы, лишённой собственно художественной, эстетической ценности [3].

Далее в статье В. Крапивин показывает, что сама логика развития сюжета, основной конфликт должен быть организован так, чтобы выполнять именно воспитывающую функцию. Есть ли в современной детской литературе герой? — задаётся вопросом писатель. Ответ очевиден — практически нет. Под критическим углом Крапивин рассматривает повесть Э. Шима «Ребята с нашего двора», усматривая главный её недостаток в том что «трём главным героям Шима — не с кем спорить, нечего отстаивать. Эти ребята излучают любовь ко всем окружающим и почти все люди платят им тем же... Почему так легко рушатся перед героями все препятствия? Даже не рушатся, а исчезают, не успев возникнуть. Это напоминает двери, снабженные фотоэлементом, которые сами по себе распахиваются перед входящими» [4].

Второй важный тезис В. Крапивина — чрезмерная сосредоточенность главного конфликта в узком, «семейном» кругу. Причину этого писатель усматривает в недостаточном владении фактическим материалом, и, главное, в интуитивной боязни авторов показывать правоту ребенка во многих конфликтах со взрослыми. И вот, пожалуй, наиболее сжатая и точная характеристика «авторской концепции»: «Положительным героем детских книжек должен быть сверстник наших читателей, характер которого способен выдержать поединок с олицетворяющим зло персонажем, превосходящим героя по силе и авторитету». Как видим, весьма ясно, недвусмысленно и определено.

Итак, характеризуя крапивинскую прозу, надо прежде всего принять во внимание то

обстоятельство, что главной функцией ее является воспитывающая. Ее реализации подчинены художественные средства: сюжет, герои, язык и пр.

Может быть, здесь корни того раскола, который произошел между писателем и критиками где-то в середине 70-х. Несовпадение концепций — вот, по крайней мере, одна причина непонимания и неприязни. Обратим внимание вот на какую деталь: для некоторых критиков существует определенная «грань», разделяющая «раннего» и «зрелого» Крапивина (например, сходные высказывания А. Марченко и Е. Муштай). «Ранний» Крапивин — это «Та сторона, где ветер», «Гень Каравеллы», где писатель выступает как «тонкий стилист», «владелец неповторимой манеры», «пленяющий» прежде всего языком. А теперь его даже писателем назвать нельзя, и русский язык он забыл. «Вообще, сделанное Крапивин может оставить равнодушным совершенно определенную группу читателей (слава богу, весьма многочисленную) — тех, кто в литературе ценит и любит превыше всего литературу. Ибо писателем настоящим, имеющим хотя бы уважение к «мозгучий русский языка», его стройности и красоте, его законам и принципам Крапивина назвать давно уже нельзя». А ведь по-своему Е. Муштай, наверное, прав. С точки зрения своего собственного понимания того, что есть литература. Но понять Крапивина с этой точки зрения вряд ли возможно.

Да, крапивинские тексты решают в первую очередь воспитательные задачи. Да, Крапивин педагогичен в своем творчестве. Поэтому не надо делать кислую мину, едва услышав о том, что литература, особенно детская, выполняет воспитательные функции прежде всего. В конце концов, Крапивин показал, как это может быть. Возможно, как это должно быть. Но разве он в этом одинок? Разве проза А. Макаренко, Я. Корчака, С. Шацкого, А. Гайдара, — не подчинена в первую очередь решению воспитательных задач? И не в этом ли, по крайней мере, отчасти, своеобразие «крапивинской традиции»?

II

называемые «реальные» произведения (хотя по-старому делать вывод о том, что все реальные произведения Крапивина написаны с «воспитывающей» позиции). Вернее было бы сказать, что эти произведения наиболее тесно связаны с историческим моментом, имеют больше всего точек соприкосновения с внетекстовой реальностью, наиболее «злободневны». Место и, в особенности, время действия четко локализовано, сюжет динамичен, а общий тон произведений оптимистичен. Смысл происходящих событий понятен, не требует дополнительных толкований. Все подчинено тому, чтобы максимально облегчить читателю «перемещение» в ситуацию героя.

Но любой, знакомый с творчеством писателя, может наметить и иную «цепочку». В нее войдут прежде всего фантастические произведения: «В ночь большого прилива» — «Голубятня на желтой поляне» —

Евгений Савин
ПРОСТРАНСТВА
МЕЧТЫ
И НАДЕЖДЫ

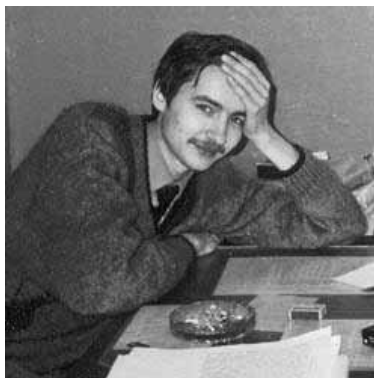
Заметки о некоторых особенностях восприятия произведений В.Крапивина читателями

I

Любой человек, занимающийся литературным трудом, и гений, и посредственный литератор-халтурщик, имеет определенное представление о том, зачем, для кого, почему и как он пишет. Иными словами, у него складывается авторская концепция литературы как некоторой формы деятельности. Она может быть полностью осознанной (наподобие теории «экспериментального романа» Э.Золя), или же быть неявной, неотрафлексированной; несомненно лишь, что она всегда так или иначе представлена в сознании литератора и «управляет» процессом словесного художественного творчества. Эта концепция определяет круг затрагиваемых тем, сюжетов, героев, поэтику — все то, что служит традиционным предметом изучения филологии. И, быть может, ее системообразующей составляющей служит представление о функции литературы как таковой.

Не углубляясь в анализ данного вопроса, отметим, что в качестве функций литературы называлось многое [1]. Вероятно, это зависит и от социального заказа, и от исторических условий, и от индивидуальных предпочтений того или иного литератора. Я, наверное, не ошибусь, если скажу, что весь этот «набор» функций, в общем-то, внешне задан литератору; в своей деятельности он «присваивает» его, делает достоянием собственной личности. При этом далеко не все функции являются в равной мере значимыми. Складываются определенные приоритеты, строится определенная иерархия функций, своего рода целевых установок. Это — своеобразное ядро авторской концепции.

Писатели не слишком-то расположены размышлять об основаниях своего творчества, а уж тем более не спешат поделиться этим с другими. Поэтому выявление авторской концепции — вещь весьма непростая. Замечено, что наиболее ярко авторская концепция обнаруживает себя в «идиосинкразиях» писателя, т.е. в яростном неприятии других литераторов, предпочитаемых ими тем, манеры изложения, авторской позиции. В наиболее радикальном варианте — это откровенно эпатирующие и смущающие читателей обвинения, наподобие нападок Л.

Толстого на Шекспира, или В.Набокова — на Ф.Достоевского [2].

В.Крапивин не является исключением в отношении рефлексии оснований собственного творчества. Говорит он об этом неохотно и сдержанно: либо описывая процесс создания конкретного произведения с точки зрения «внешних» причин, либо обращая вопрос в шутку, либо ограничиваясь весьма туманными высказываниями, которые мало что проясняют. Столь же сдержан он и в плане критических выступлений. Это или доброжелательные высказывания, или не аргументируемое, эмоционально окрашенное мнение (по принципу «нравится-не нравится»).

На этом фоне редким исключением является статья «Герой — от слова героизм» («Литературная газета», 1977, 15 июня). В ней, насколько мне известно, писатель едва ли не единственный раз дает развернутое и обоснованное изложение того, что выше было названо «авторской концепцией литературы». Статья публикуется в 1977 году. Ее можно, следовательно, рассматривать как некий авторский комментарий к трилогии «Мальчик со шпагой» (к сожалению, мало кем замеченный). Давно уже сказано о том, что оценивать писателя нужно по законам, им самим над собой установленным. Иными словами, в рамках его собственной авторской концепции. Но почти никто не удосужился хотя бы выяснить, какова эта авторская концепция, в чем ее особенности. Это привело, и продолжает приводить, к весьма странным умозаключениям.

Итак, каковы же тезисы этой «авторской концепции», в чем ее необычность? Специфику детской литературы В.Крапивин усматривает прежде всего в том, что в ее герое читатель хочет видеть образец для подражания. Таким образом, главной, ведущей функцией детской литературы является, по мнению писателя, функция педагогическая, воспитывающая. Тривиальный тезис? Ничего подобного. Можно, наверное, назвать немало известных литераторов у которых этот тезис вызвал бы, в лучшем случае, усмешку, а в худшем — отторжение и неприятие.

Даже «педагогически ориентированные»

валяется в них ржавый паровоз по прозвищу Кузя, а ещё летает там мальчик-пилот по имени Максим. Но ведь от этого он не перестаёт быть просто человеком. Даже если (предположим) он не устаёт, не болеет и т.п. — он ведь продолжает думать, чувствовать; наверное, может (и хочет) с кем-нибудь дружить. Что он сам думает о своей судьбе, о роли «функционального элемента Безлюдных Пространств»? Наверняка эта судьба не вечна. Ведь и Юкки после сотен лет скитаний ушёл с Дороги. Помню, читая «Крик пети-ха», я немного пожалел об этом. А сейчас впервые подумал о Юкки с сестрёнкой просто как о маленьких детях. Которым, наверное, было очень одиноко на бесконечном пути — пусть и полном чудес. «Не нужны никакие сказочные пространства, если ты в них один» — это сказал Антошка Топольков — кстати, тоже Лётчик. И даже бесконечные встречи не делают одиночество меньше.

*Дорога научит тебя беречь
Пожатье дружеских рук:
На каждую из подаренных встреч
Найдётся сотня разлук.*

.....
*Она лишь тогда бывает добра,
Когда ведёт нас домой.*

Наверное, и Максим когда-нибудь оставит свою роль, найдёт дом, «чтобы окно светилось»; обязательно встретит Друга. И всё-таки, стоит ли делать дорогу к этому столь длинной? Нет, я не утверждаю, что она должна обязательно быть совсем короткой и лёгкой (хотя было бы неплохо). Но — десятки, а то и сотни лет... Страшно.

А вот финал — ненастоящий какой-то. «Попытка автора воздать герою», как ты писал. Не получившаяся, на мой взгляд. Слишком уж всё выходит удачно, гладко и причёсанно. Может, это «мгновенный сон перед самым концом»? Или — персональный рай, возданный Артёму по делам его? Господи, как хочется, чтобы он остался жив — но почему по тексту это выходит настолько неубедительно?

*Если выжил герой всему вопреки
И с победой вернулся в родительский дом,
Это — просто чтоб мы не сдохли с тоски,
Это — светлая сказка со счастливым концом.
Если прочь отступил победивший враг
Или честно сражается грудь на грудь —
Не смешите меня! не бывало так,
Чтобы враг отказался ножик в спину
воткнуть.
Если новый рассвет встает из-за крыш
И любовь обручальным сплелась кольцом,
Это — просто чтоб ты не плакал, малыш,
Это — добрая сказка со счастливым концом.
Если в гибельный миг прокричал: «Держись!»*

*И собой заслонил подоспевший друг —
Это тоже всё бред, ибо учит жизнь:
Не примчатся друзья — им, как всегда,
недосуг.*

Длинная цитата, но не хочу сокращать. Очень уж хорошо она подходит под финал «Лужаек». Конец счастливый, но — нежизненный. Впрочем, обязательно ли надо, чтобы «всё было точно как в жизни»? Этого и так хватает — выйди на улицу и бери сколько влезет. А книга, пусть и с «неправильным» концом (и всё равно — другого не хочется!), всё-таки предназначена немножко для другого:

*Но зачем этот бред не даёт прожить,
От несчастий чужих отводя лицо?
А затем, чтоб другому помочь сложить
Рукотворную сказку со счастливым концом.*

Вот так. Сказать лучше — не умею.

Март-август 2000 года.

Использованы слова А.Зарифьяна («Песня для трудной дороги») и Марии Семёновой (стихи из второй части «Волкодава»).

• 248012, Калуга, дер.Ермолово, д.23

«ДЕЛО О РТУТНОЙ БОМБЕ»: ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ, ИЛИ «ПОТОК СОЗНАНИЯ» НЕДОВОЛЬНОГО ЧИТАТЕЛЯ.

Михаил Носков

«Дело о ртутной бомбе» производит какое-то бестолковое впечатление, сумбурное. «Противостояние», нитью протянутое через все повествование, просто утомляет. Владислав Петрович обожает, конечно, описывать такие сцены, с неизменным торжеством справедливости, но тут явно «перегнул». А развязка эффектна. Даже слишком.

Семейка Зайцевых просто «выдернута» из семидесятых. Мамочка эта только вопит, сплошные вопли. Все ей не так, даже если просто письмо в ящик опустить. Нет, даже в этом случае она поднимает скандал, ей надо что-то объяснить. Только в «лицее» замолкает... начинает говорить нормально. Ей-ей, в голове зазвенело от внезапно наступившей тишины. Хотя сначала казалось, что опять орать начнет. А как же! Но по выходе из здания все вернулось на круги своя.

Все время приходилось напоминать себе, сколько же этому Зайцеву-младшенькому лет. В таком возрасте выключивать деньги на что-то... Еще бы Пушкина вспомнили, который ни черта бы не сочинил, пользуясь пишущей машинкой. Я что-то не понял: а в чем был смысл всего этого? Одно сотрясение воздуха! Ведь когда вождя тетрадь попала ему в руки (а иначе и быть не могло) — вдохновение «не пошло». А пошло именно у «презренного» компа. И для чего все это было надо?

Сплошной повтор... повтор... Все время вспоминаешь, где это у Крапивина уже было. Вплоть до цитат.

Герой капризничает, как маленький... Ему, видите ли, скучно одному дома сидеть. Сколько ему лет? Больше заняться нечем?

А эти постоянные угрозы «отлучения» от компьютера... Выскакивает из дому на ночь глядя, оставив включенным компьютер, может, что-то еще. Мозгов хватает только на то, чтобы запереть квартиру. Про записку для любимых родителей я уж промолчу.

Да и история эта с ртутной бомбой — непонятна. Скомкано у Крапивина все. Почему выбор пал на Митеньку, причем тут Елька? Не потому же, что он, Митя, — «чужой»? Похоже, что у Владислава Петровича просто «зуб» на такие вот «лицеи». К спецшкалам с углубленными изучением какого-либо предмета в советский период у него, вроде бы, претензий не было. А суть-то одна!

Отношения между Митенькой и Елькой выходят за «рамки приличий». Делать больше нечего, вот так сразу и «вываливает» Елька ему содержимое своей души, ничего не оставив. Кирилл и то, помнится, едва подавил улыбку, когда Митька-Маус предложил ему «дружить по-настоящему»... Не, раньше у Крапивина все было гораздо естественней.

Было бы очень интересно, если бы папа и

мама у Митеньки никуда бы и не ушли, оказались бы дома. В самом деле! Обычно так и должно быть. Тут бы Елька и позвонил, предложил прогуляться. Что бы тут поднялось!...

А какой добрый палочка у Мити! Он все-таки готов дать ему — «любимому и единственному» — денег на тетрадку, пусть даже денег и нет. Пусть любимое дитя потешится, может, шедевр сочинит, имя свое прославит... А их стиль общения? Жутко напоминает общение Джонни со своим отцом. Опять повторы, переписано порой просто. Слово в слово.

О, это что-то новенькое: «У порядочных мальчиков не бывает кличек». Да ну?!

Интересно, почему Владислав Петрович не любит людей вроде Максима Даниловича? Они переходят у него из книги в книгу. Сотрудники

правоохранительных органов — все сволочи и подонки. Гаймуратов был последним «хорошим милиционером», а первый «плохой» появился, наверное, в «Синем городе на Садовой». Менты, проще говоря... Хотя это слово уже не ругательное.

Прогресс! В «Колыбельной для брата» Кирилл пытался понять, почему некоторые становятся такими, как Дыба. Понять — чтобы его брат не стал таким же. Теперь же — «Братья — они любые хороши». Их не выбирают... За что воевали?!

А чем заканчивается? Ой-ой-ой! Как трогательно... Митя так перепугался, он ведь таких историй от Ельки наслушался... А ничего особенного-то и не произошло: просто балбес он, Елька, балбес...

• 612020, Кировская обл., п. Ленинское,

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ

Алекс Бор

(О повести Владислава Крапивина «Мой друг Форик, или Опалюющая страсть киноискусства» — «Урал», 1995, № 12)

Владислав Крапивин обладает удивительным даром — брать чисто бытовой и, казалось бы, совсем незначительный эпизод, и на его основе ярко, образно запечатлеть навсегда ушедшее прошлое. Автобиографическая повесть «Мой друг Форик» — отнюдь не исключение.

Сюжет повести, казалось бы, банален. Мальчишки конца сороковых идут в кинотеатр смотреть фильм. Но перед нами — емкая, выпуклая картина жизни послевоенного сибирского городка, взрослые заботы и тревоги, детские мечты и надежды... Крапивин хочет сохранить аромат прошлого, навсегда запечатлеть запахи трав, пение птиц, цвет неба. Внимательный взгляд писателя останавливается на каждой детали жизни быта того времени — он, подобно Марселю Прусту, хочет найти и остановить навсегда утраченное время, в котором он, Крапивин, был счастлив. Но повесть Крапивина не тяжеловесна, как эпопея Пруста, а легка, лирична и печальна. Крапивин хочет сохранить мир своего детства, подарить его своему читателю, который живет совсем в другом мире и в другом времени. Писатель хочет разделить с читателем тоску по ушедшему времени, когда, казалось, весь мир был необъятен и вечен, а ты верил, что жизнь прекрасна, что

на небе всегда будет светить солнце, а с тобой рядом будут верные друзья... Крапивин, как никто другой, умеет передать это щемящее ощущение...

Однако печально другое: попытка Крапивина оправдаться перед читателем — тем читателем, который считает, что в то время — время сплошного идеологического гнета — человек не мог быть счастлив. Крапивин пытается оправдать и свою искреннюю веру в коммунизм, и свое незнание о репрессиях — хотя тут же добавляет, что кое о чем он и тогда догадывался: его отчим сам несколько лет «оттрубил» в северных лагерях, да и у друзей-мальчишек были репрессированные родственники...

Подобные самооправдания слегка разрушают общее светлое впечатление от повести.

Наступит ли когда-нибудь время, когда не нужно будет оправдываться перед кем бы то ни было за свое счастливое детство?.. Поймут ли наши политики, что человек может быть счастлив независимо от политического строя, от идеологий и политических режимов? Хочется надеяться, что наступит...

Опубликовано в тверской газете «Смена», 1996, № 5, 6-12 февраля) и на странице автора в Internet, размещенной на сервере Тверской областной библиотеки им. А.М. Горького

• 170000, Тверь, главпочтамт. а/я 246
• cubano@mail.ru